

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
УЛИКА
С ТОГО СВЕТА

Полковник Гуров

Николай Леонов

Улика с того света

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Улика с того света / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2021 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-158153-4

К полковнику МВД Гурову обратился недавно освободившийся уголовник. Он попросил сыщика помочь ему связаться со своими бывшими «коллегами» по банде. Те почему-то перестали отвечать на звонки. Гуров согласился. Очень скоро выяснилось, что оба сидельца убиты. Картина преступления во всех случаях одинаковая – выстрел в голову. В живых из банды остался ее главарь. Не он ли сводит счеты с корешами? Но оказалось, что главарь тяжело болен. Не так давно к нему в больницу приходила его бывшая любовница и, угрожая, требовала отдать обещанный когда-то подарок. Гуров организует за женщиной слежку и вскоре становится участником настоящей трагедии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158153-4

© Леонов Н. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Улика с того света	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев**
Улика с того света
Повести

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Макеев А. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Улика с того света

Повесть

Глава 1

– Я же сказал, что лучше брать не заморский клей, а наш, – проговорил Петр Николаевич Орлов в трубку телефона, стоявшего на его рабочем столе. – Ты, видимо, повелся на красивую упаковку. Отечественный чем хорош, знаешь? А я тебе объясню. Он со временем не проявляется. А вот от импортного я хорошего не жду. Соседка по даче так прокололась. Взяла она импортный, нахваливала, а года через четыре жаловаться стала. Дескать, по швам все белыми разводами пошло. Коробка у нее сохранилась, я и запомнил. А у тех, кто наш клей брал, все в полном порядке. Ты много взял? Сколько?.. Чек-то не потерял?

Стас слишком сильно нажал на нож, и лезвие со стуком ударилось о фарфор.

Орлов покосился в его сторону, но наставлять невидимого бедолагу не перестал.

Гуров поймал его взгляд и выразительно развел руки в стороны.

– Пора приступать, Петр Николаевич, – прошептал он.

Стол практически был готов. Крячко, занимавшийся закуской, отправил последний огурец в салатницу, к другим овощам. На широкой пластиковой тарелке, стоявшей по соседству, толстые ломти финского сервелата заботливо окружали рыжую горку моркови по-корейски. Отдельно, на обычном бумажном листе формата А4 ждала своего часа половинка буханки бородинского. Шпроты было решено таскать прямо из банки. И уж совсем поодаль от всего этого стояла бутылка водки. Она тут была как бы ни при чем.

Гуров подошел к Стасу и спросил:

– Тебя точно не хватятся?

– Нет, на сегодня все, – ответил Крячко, вытер руки бумажной салфеткой и упал на стул. – Последний день. Все успел.

– Ну смотри. – Гуров подвинул свой стул и уселся рядом с лучшим другом. – А то, помнится, вот так же все хорошо начиналось. Мы выпили, закусили, а потом к тебе какая-то дама пришла. Ты сам ее повесткой вызвал по какому-то крайне важному, совершенно неотложному делу.

– Не помню такого.

Крячко, конечно же, все прекрасно помнил, но не считал нужным ворошить минуты своего позора. Гуров уважал его желание, но не мог удержаться от того, чтобы не напомнить лишний раз о том, о чем Станислав уже сто раз пожалел. Впрочем, не так уж часто он и прокалывался.

– А с кем это Петр общается? – спросил Гуров, цепляя двумя пальцами кружок колбасы.

– Не знаю. Но он его уже двадцать минут учит обои клеить.

– Понял. Может, пока накатить?

– Без начальства? В его кабинете? Рискни.

Стас внимательно посмотрел на бутылку. Она стояла напротив окна, насквозь простреленная лучом заходящего солнца.

– Давай. Начни, а там посмотрим, – подначил его Гуров. – Иначе он будет сто лет по телефону разговаривать.

Крячко решился, взял бутылку в руку. В тот же момент Орлов опустил трубку на рычаг. Станислав сделал вид, что очень интересуется мелким шрифтом на этикетке.

– Вот послал же бог дружка, – пробормотал Орлов, выбираясь из-за своего стола. – Как тройню заделать, так это он мастерски, а как ремонт начать, так сразу куча вопросов.

– Давай уже начинать, Петр Николаевич, – сказал Гуров.

– Ну так наливайте! – заявил тот.

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов являлся непосредственным начальником полковников Крячко и Гурова, но позволял им нарушать субординацию. Слишком давно шли плечом к плечу, чересчур хорошо чувствовали друг друга, хоть в общем мало в чем были схожи. Поэтому, собираясь отметить двойное отбытие в отпуск, Станислав Васильевич и Лев Иванович не очень долго думали о том, где накрыть поляну. Разумеется, в кабинете шефа.

Крячко наполнил пластиковые стаканчики.

Генерал-лейтенант взял в руку свой, потянул носом воздух и заявил:

– Подведете вы меня под монастырь. Будем!.. – Орлов залпом осушил стаканчик.

Лицо его тут же просветлело, взгляд забежал по тарелкам.

Крячко и Гуров тут же продублировали действия начальника и дружно потянулись за шпротами.

– А у меня ведь тоже ремонт намечается, – заметил Гуров. – Пока жена на гастролях, займусь делом.

– Так и у меня та же история, – заявил Стас. – Я что, не говорил?

– Тоже жена на гастролях? – с усмешкой осведомился Гуров.

– Нет, тоже ремонт. Да такой, что я в квартире с трудом выживаю.

– Импортный клей не покупай! Наш куда лучше, – заявил Орлов.

– Я понял. – Стас согласно кивнул и добавил: – Правда, до того момента еще дожить надо.

– И далеко зашел? – спросил Гуров.

– Стадия «хрен поймешь», – с досадой ответил Крячко.

– Это когда вон там пусть подсохнет, а здесь еще и не начинали? Сантехнику менять будешь?

– Не только. Кухня как после взрыва. Весь санузел разрушен. Трубы в стены прятать будут.

– «Будут»? – проговорил Орлов. – Не один, значит, занимаешься?

– Я бригаду нанял, – нехотя объяснил Крячко суть дела. – Прошлый раз все делал сам, кое-где промахнулся, да и растянулось все это творчество надолго. В общем, зверски устал. А тут подвернулись ребята с хорошей репутацией. Берут недорого, делают на совесть. Пусть. Постою рядом, поплюю в потолок. Имею право. Правда, сплю в углу на раскладушке и питаюсь святым духом, но это мелочи. Слышь, Лева, я могу их к тебе потом откомандировать.

– Не надо, – сказал Гуров. – Я сам управлюсь.

– Ну и ладно, как знаешь. – Стас пожал плечами, словно впервые увидел бутылку и спросил: – Повторим?

Орлов подставил свой стакан. Гуров вежливо ждал, пока напарник обслужит вышестоящее начальство.

Мимо закрытой двери по коридору прокатились громкие голоса. Вечер выгонял сотрудников на улицу, в сентябрьскую теплынь.

Орлов взглянул на дверь кабинета. Вот, мол, будет номер, если кому-то вздумается навесить меня в конце дня, а я тут водочкой балуюсь вместе с этими господами полковниками.

– Дверь на ключ закрыта, – сказал ему Гуров. – Я же не дурак, чтобы ворота держать распахнутыми. Ты лучше мне вот что скажи. Один со всеми заморочками справишься? Нас ведь долго не будет.

Петр Николаевич заглянул в стакан, но на этот раз ничего нюхать не стал.

– Разберемся, – ответил он, пронзив вилкой ломтик помидора. – Не первый год замужем.

– Не первый, – согласился Гуров. – И что это я, в самом деле?

– Надо будет, я вас вызову.

– Тогда лучше выпить за то, чтобы ты о нас и не вспомнил! – проговорил Крячко. – Ведь это будет означать, что ничего серьезного не произошло.

После второго захода Лев Иванович ощутил, как в грудной клетке у него словно заворочался маленький пушистый зверек. Жить вдруг стало уютно и хорошо. Теперь главным было не усугубить это состояние, продлить его, понежиться в нем. Оно всегда быстро проскакивало мимо, но пока еще не исчезло окончательно.

Ему хотелось насладиться им в полной мере. Ведь у него и на самом деле все было в порядке. Везде. В кошельке, в личной жизни, в желудке и в психоэмоциональном состоянии тоже. Завтра, считай, уже отпуск.

Рядом не кто-то там, заглянувший по делу, а самые что ни на есть свои люди. С ними чертовски приятно культурно выпивать, закусывать и спорить на различные философские темы. Работать бок о бок с ними тоже здорово. Народ надежный, проверенный не один десяток раз.

Подобная сентиментальная чушь появлялась в голове Льва Гурова не так уж и часто. Но иногда он все же позволял себе расслабиться, потому как знал, что все это умиротворение – явление недолгое.

Да и напиться до соплей не получится. Во-первых, зачем? Во-вторых, ясная голова сыщику нужна не иногда, а даже во время распития.

Он встал, подошел к окну, достал сигареты.

– Давай, устрой мне тут пожар, – заявил Орлов из-за стола.

Гуров промолчал. Курил он редко, хоть и постоянно таскал в кармане пачку сигарет. Иногда они помогали разругать сложные ситуации. Если не ему, то кому-то другому.

– Да пусть его. Дым мигом выветрится, – заявил Стас. – Слушай, Петр Николаевич, я насчет клея для обоев хотел спросить...

Гуров облокотился о подоконник, выдохнул сигаретный дым. Тот мгновенно спутался с ветерком и исчез.

Лев Иванович внезапно вспомнил вчерашний вечер, поздний телефонный звонок и растерянное лицо Марии. Все произошло внезапно. Гуров так и застыл на пороге кухни с тарелкой в руках. Кто-то умер, что ли? Что вообще происходит?

Мария прикрыла глаза и сказала своему собеседнику:

– Да, конечно, я согласна. Даже так? А во сколько? Ну, если это никого не напрягает, то буду благодарна. Спасибо.

Мобильник лег на стол. Гуров ждал.

– Все в последний момент, Лева, – извиняющимся тоном произнесла жена. – Уже послезавтра вечером съемки. Меня утвердили, а позвонить забыли. Все не как у людей.

– Куда на этот раз? – с тяжелым вздохом осведомился Гуров.

– В Берлин. На месяц.

– Долго, – протянул Лев Иванович. – И очень уж неожиданно. Во сколько за тобой приедут?

– В половине седьмого утра.

– В половине, прости, чего?! – Гуров аж поперхнулся.

– Седьмого. Утром.

Такое было уже не раз. О его жене-актрисе режиссеры и прочие продюсеры часто вспоминали, стоя одной ногой на трапе самолета. Маша никогда не отказывала им. Она всегда понимала всю суть новой роли и воспринимала ее как очередной шанс получить вполне заслуженное признание.

А вот Гуров каждый раз расстраивался. После подобных звонков начинались гонки по вертикали. Они включали в себя беготню по магазинам, столкновения в коридоре, раздраженное Машино: «Лева, посиди, пожалуйста, на одном месте» и прочие нервные моменты.

Лев Иванович никогда не обижался на жену. Он ничем не мог помочь ей, однако знал, что она и сама справится с этими делами.

Только вот как быть в данном случае? На улице почти ночь, машина приедет практически на рассвете, и жена попросту не успеет собраться.

Но в этот раз Маша, похоже, не планировала переживать по этому поводу.

– Наверное, это тот самый крайне редкий случай, когда я смогу обойтись без сборов, – с улыбкой проговорила она.

– Как так? – удивился Гуров. – Ты что, заранее знала о том, что тебя позвуют?

Жена шагнула к нему, обняла руками за шею и сказала:

– Ничего я не знала. Просто подумала так. Каждый раз бегаю, собираюсь словно в космос, а на деле беру с собой одно и то же. Вот и приготовила все заранее.

Гуров в долгу не остался.

Он отставил от себя тарелку с остывшими макаронами, поцеловал Машу в лоб, с наслаждением ощутил запах ее волос и тихо спросил:

– Значит, ты выкроила для меня время?

– И для себя тоже, – сказала она.

Потом, уже где-то в половине второго ночи они сидели прямо на полу перед открытой балконной дверью, поедая бутерброды с бужениной, запивали их пивом. Если Мария и переживала о чем-то, то только о ремонте, который целиком ложился на плечи любимого мужа.

– Я, может, впервые в жизни захотела вместе с тобой стены выравнивать, – с набитым ртом сказала она. – Прямо извелась вся, размечталась.

– Охотно верю, – сказал Гуров. – Даже не знаю, получится ли у меня что-то без тебя. Слушай, ты так резво согласилась на гастроли, что я весь в сомнениях.

– А я знала, что меня позвуют, – с умным видом заявила жена. – Просто знала, да и все. Пусть и не наверняка. Скорее, догадывалась.

– Так оно и вышло, – закончил ее мысль Гуров. – Стало быть, я могу тебе верить? Ты не будешь наставлять мне рога?

– Не в этот раз, – твердо ответила Маша.

– Вот черт, а так хотелось!

Сентябрь был очень теплым. Люди до сих пор ходили в летней одежде. Температура воздуха опускалась по ночам всего на пару градусов. Супруги ночевали с открытым балконом, и о такой ерунде, как простуда, даже не вспоминали.

Гуров ткнул сигаретой в пепельницу и вернулся за стол.

Крячко и Орлов в это время уже обсуждали недавний футбольный матч, который закончился потасовкой между болельщиками соревнующихся команд. Она стихийно переросла в массовую драку с активным участием случайных граждан, решивших поначалу примирить противников. В итоге двадцать два человека были задержаны, а четверо отправлены в больницу. Получили травмы и несколько сотрудников полиции.

– Как-то давно в наряде был на каком-то матче, – ударился в воспоминания Крячко. – Там наши с треском проигрывали. Но после все спокойно разошлись по домам. Даже в метро не буянили.

– Это когда было-то? – встрял в разговор Гуров. – Лет двадцать назад? Сравнил.

– Да, нынче в головах у людей что-то поломалось, – заявил Орлов. – Да и со всей Вселенной что-то явно не так. Я и представить себе не мог, что когда-то буду распивать в собственном кабинете с подчиненными. – Он поднял взгляд на Крячко. – Подай-ка колбаски, Стас. Давайте выпьем за то, чтобы вы с Гуровым на сей раз отдыхали хорошо и спокойно, а не так, как всегда.

Едва трое старинных друзей оказались на улице, алкоголь мигом выветрился из их голов, оставил после себя усталость и сонливость. Гуров и Крячко проводили машину, на которой отправился домой генерал-лейтенант, немного постояли на улице.

– Как представляю, что дома творится!.. – сказал Крячко и тяжело вздохнул.

– Думай о результате, – посоветовал ему Гуров. – Вызову-ка я такси. Поедем вместе?

– Давай.

Машина, за рулем которой сидел парнишка среднеазиатской наружности, подошла быстро.

Перед тем как сесть в салон, Гуров по профессиональной привычке бегло осмотрелся.

За спиной у него располагалось здание главного управления уголовного розыска. Не Кремль, конечно, но тоже солидное место, хотя и одиозное в определенных узких кругах. Не все в восторге от общения с теми людьми, которые здесь работают. Есть персонажи, которые могут и старые обиды припомнить, прийти к воротам, дожидаться и предъявить претензии. А вот отблагодарить стражей порядка за их нелегкий труд никому и в голову не приходит.

Крячко долго и шумно устраивался на переднем сиденье, после чего опустил стекло и откинулся на спинку.

– Как представляю!.. – повторил он и прикрыл глаза.

Такси тронулось с места. Оно тут же запнулось о неприметный ухаб на дороге, однако Гуров этого не заметил. Он не сводил взгляда с черного автомобиля «Хендай», припаркованного на противоположной стороне улицы. Как только господа полковники оказались в салоне, эта машина тут же снялась с места, нарушая все правила дорожного движения, сделала разворот и оказалась позади такси. Лев Иванович оглянулся. Водитель черного автомобиля заметил это и тут же придвинулся к спинке своего сиденья, тем самым пытаясь максимально спрятать свое лицо.

«Только этого нам не хватало», – подумал Гуров.

Такси неслось по многолюдной неоновой Москве, и сыщик уже знал, что их со Стасом кто-то сопровождает. Прокрутив в голове недавние события, связанные с работой, он так и не смог вспомнить что-то, что могло бы привести к слежке. Лев Иванович всегда был готов ко всему, но прекрасно понимал, что не сможет до конца влезть в мозг другого человека, в котором могло быть спрятано все, что угодно. В очень редких случаях это было что-то хорошее, светлое, доброе типа желания пообщаться. Не к водителю же такси у этого субъекта был интерес.

– Езжай-ка по Садовому, – сказал Гуров таксисту.

– Так это нам назад придется возвращаться, – с недоумением проговорил тот. – Зачем?

– Тебя как звать?

– Захим.

– А я Лев Иванович. Развернись, Захим, будь другом. Поехали в обратную сторону.

– Зачем? – повторил таксист.

– Так надо. Мы тебя не обидим, – успокоил парня Стас, понявший, что что-то пошло не так. – Ты не переживай, мы люди хорошие. – Он обернулся, сперва с беспокойством взглянул на Гурова, потом – на дорогу за его спиной.

Вопросов Крячко задавать не стал, увидел преследователя.

– Захим, а провези-ка ты нас по Москве, – вдруг попросил он водителя.

– По другому адресу поедем, что ли? – не понял тот.

– Пока что адрес остается прежним. Просто покатаемся.

Захим чуть притормозил, выбирая удобный момент для маневра. Черный «Хендай» тут же сбросил скорость.

– Номер запомнил? – спросил Стас у Гурова.

– Не успел. Он теперь вплотную прижимается. Не могу рассмотреть.

Захим вывернул руль и удачно влился в поток машин, следующих в противоположную сторону. «Хендай» как ни в чем не бывало проехал мимо. Гуров снова попытался рассмотреть номерной знак, но ему помешал огромный туристический автобус. Черная машина пропала из вида.

Крячко все это время сидел вполоборота и внимательно следил за ситуацией.

– Что думаешь? – спросил он.

Гуров неопределенно качнул головой и ответил:

– Не знаю, Стас. Может, показалось.

– Тогда мы спокойно поедem дальше, – нарочито бодро проговорил Крячко. – Появится, будем думать.

Лев Иванович хотел быть уверенным в том, что ошибся, и расслабиться уже не мог. Он внимательно всматривался в зеркала заднего вида и знал, что Крячко тоже проявлял бдительность.

– Лева!.. – тут же произнес Стас.

– Вижу.

Таксист молчал, но успокаивать себя тем, что он внезапно стал глухим или глупым, Гуров считал излишним.

Оторваться не удалось. Теперь преследователь намеренно демонстрировал свое присутствие. Он то пропадал из вида, то снова появлялся в поле зрения, но держался вполне уверенно, не прятался.

Стас не сводил глаз с зеркала заднего вида. Гуров сидел ровно, не оборачивался.

– Без перемен? – спросил он.

– Да. И без вариантов, – ответил Стас. – Может, обратно поедem? В управление, а?

– Нет смысла, – сказал Лев Иванович, подался вперед, положил таксисту руку на плечо и проговорил: – Тормозни где-нибудь, друг.

Машина тут же свернула вправо, проехала несколько метров и резко остановилась напротив темного и узкого переулка.

Сверх оплаты за поездку, списанной с карты Гурова, Захим получил щедрые чаевые наличными.

– Ты уж прости нас, парень, – сказал ему Стас, убирая кошелек. – Вот такая она, Москва.

– Не надо меня учить. Я здесь родился, – заявил таксист.

– Тогда у тебя вообще не должно быть вопросов. Ты и сам все понимаешь. – Крячко закрыл дверцу и хлопнул ладонью по крыше.

Вслед отъезжающей машине он даже не посмотрел, подошел к Гурову, который стоял на обочине, засунув руки в карманы, и проговорил:

– Безлюдно тут как-то.

– То, что надо, – сказал Гуров. – Еще толпы нам тут не хватало.

Они стояли посреди тротуара, в самом начале пустынной улицы, одной из тех, которые связывали битком забитые трассы. Случайных прохожих здесь было мало, транспорт тоже не часто появлялся. Эти улочки использовались москвичами в тех случаях, если нужно было сократить путь от одной густонаселенной точки столицы до другой. В любом городе мира можно обнаружить подобные аномальные зоны. В нескольких метрах полным ходом будет идти жизнь, а ты вдруг окажешься там, где время решило прикорнуть.

– И где он? – Стас напряженно смотрел в сторону поворота. – Вроде бы совсем в затылок дышал.

– Сейчас будет.

Из-за поворота показался знакомый автомобиль, тут же сбросил скорость, проехал немного вперед и остановился как вкопанный.

– А если у него оружие? Мы тут как на ладони, – одними губами проговорил Крячко. – Транспорта практически нет, людей тоже.

– Здесь полно камер. Дома-то жилые. Народ все-таки ходит. А вон и автобусная остановка. Значит, будут свидетели, – сказал Гуров. – Не думаю, что он рискнет.

Стас покрутил головой, пытаясь рассмотреть где-то поблизости камеры видеонаблюдения.

– Кого это когда останавливало? – задумчиво произнес он.

Черный «Хендай» просто стоял на месте. В салоне царила абсолютная темнота. Свет уличного фонаря, отражающийся в лобовом стекле, напрочь лишал сыщиков возможности рассмотреть то, что происходило внутри машины.

– Нет, Стас, он нам больно делать не хочет, – сказал Гуров. – Ему нужно что-то другое.

– Пойдем и спросим, – решил Крячко. – Всю ночь тут стоять, что ли?

– Подождем, – остановил его Гуров. – Он должен сам выйти.

Лев Иванович опять угадал. Нет, его напарник, конечно же, не был глупым простаком. Просто Стас предпочитал действовать импульсивно, а Гуров умел ждать.

Дверца со стороны водителя открылась. Из машины выбрался мужчина лет тридцати пяти в серой кепке и синей ветровке, осмотрелся и пошел по тротуару.

Гуров ждал. Крячко коснулся его плеча своим, дал понять, что тоже на старте.

Мужчина медленно приближался к ним. Его руки были пусты, двигался он неуверенно, сутулился и вообще выглядел как-то жалко.

Этот субъект остановился в паре метров от сыщиков, снял кепку, смял ее в ладонях и хриловатым голосом произнес:

– Привет! Не узнаете меня?

Гуров всмотрелся в худое вытянутое лицо. Нет, этот человек был ему не знаком.

Однако Крячко вдруг выбросил вперед руку, щелкнул пальцами и заявил:

– Имя не назову, но мы с вами определенно виделись. Лицо знакомое.

Мужчина надел кепку.

– Артем Незванов, – представился он. – Вы меня в колонию на четыре года отправили.

– Не мы, а суд, – поправил Гуров. – По всей строгости закона.

Как Лев Иванович ни старался, но так и не мог вспомнить этого человека. Что-то такое мелькало в голове, но тут же пропадало.

«Уже и не сосчитать тех людей, на запястьях которых я защелкнул наручники. Многие прошли через мой кабинет, каждый получил то, что заработал. Подводит память. А ведь раньше мог за километр угадать», – подумал сыщик.

Дело было не в том, что сегодня он позволил себе выпить или на время отпуска ослабил профессиональную хватку. Проблема состояла в другом. Человек, сейчас стоявший перед ним, никак себя не обозначил. Непримечательный внешний вид, неузнаваемая походка. Мало данных.

Кем был этот Незванов? По какой причине отбывал? Зачем преследовал такси, искал встречи? Что ему надо?

Незванов ближе не подходил. Так и стоял в отдалении, соблюдая дистанцию.

– А я вот вас обоих хорошо запомнил, – сообщил он сыщикам.

– Молодец, – спокойно проговорил Гуров. – Ты только это хотел нам сообщить?

– Нет. – Незванов покачал головой. – Мне помощь нужна. Или совет. Это уж как пойдет. Крячко с шумом выдохнул. Гуров расслабляться не собирался.

– Что, так и будем здесь стоять? – спросил Незванов. – Если вы не заметили, то я скажу, что тут нельзя парковаться. Мне неприятности не нужны. Особенно сейчас.

«Если тебе не нужны неприятности, то по какой причине ты так открыто ехал за нами? – подумал Гуров. – Если требуется помощь, то почему не подошел к нам до того, как мы сели в такси? Дурацкая ситуация сложилась. Дело усугубляется еще и тем, что я изо всех сил стараюсь, но так и не могу вспомнить этого человека. Отказать ему в просьбе вот так сразу тоже нельзя. Ведь не просто же так тот катался за нами по Москве. Значит, дело серьезное. Сперва нужно все выяснить, а потом уже и определяться с дальнейшими действиями».

– Какая помощь тебе требуется? – спросил Гуров.

– Что, прямо здесь рассказывать? – Незванов напрягся. – Я так не могу.

– Ты же следом за нами ехал, – напомнил ему Крячко. – А теперь «не могу» включил. Ты уж определись, что ли.

– Тут кафе неподалеку. Прямо у дороги, – сказал Незванов, отступил на шаг и вытянул руку в нужную сторону. – Давайте там, если вы не против.

– Ты в каком кино видел, чтобы мент с бандитом по кафе шлялись? – с усмешкой освесомился Гуров.

– Не надо так, Лев Иванович! – проговорил Незванов довольно резко. – Ты об меня ноги не вытирай. Все, кому было нужно, уже это сделали. Развернись и уйду. Только ведь у тебя вопросы останутся.

Резкий переход на «ты» сыщика не смутил.

– По какой статье был осужден? – спросил он.

– Сто пятьдесят восьмая.

Тут Гуров вспомнил. Нечто безликое и бесформенное моментально обрело цвет и четкие линии. Манера речи, обращение по имени и отчеству. Негромкий хрипловатый голос. Единственный из тех четверых, кто не имел клички, потому что его фамилия и без того произносилась очень удобно.

Есть такие удачные фамилии и имена. Не объяснишь, почему при общении их не хочется заменить на что-то другое.

Идентификация прошла успешно.

– Банда. Лет десять назад. Квартирные кражи, – произнес Гуров, слегка повернув голову к Стасу. – Если не путаю, конечно.

– Не путаете, – подтвердил Незванов. – Все верно.

Он снова вернулся к «вы».

Крячко усталился себе под ноги, нахмурился, собираясь с мыслями. Впрочем, прямо сейчас от него этого и не требовалось. Главное состояло в том, что Гуров уже был в деле.

– Байрон, Немец, Кудесник, – перечислил Незванов. – Я шел четвертым.

– Пока они обчищали квартиры, ты в машине ждал. Я помню, – сказал сыщик. – Там тебя и взяли. Спасибо, освежил память.

– Пожалуйста.

Мимо проехал белый кабриолет. Таких бесстыдно открытых машин в Москве было не так уж и много. Их редкое появление на столичных улицах заставляло прохожих выворачивать вслед шеи. Но вечер пятницы и прекрасная погода на каждого владельца кабриолета влияют по-своему. В машине играла музыка, а за рулем восседала молодая девушка.

Появление эдакой редкости почему-то отразилось на поведении Незванова довольно странным образом. Он словно получил какой-то сигнал, известный ему одному, больше не стал дожидаться от Гурова какого-либо ответа, развернулся и пошел к своей машине.

– Ну и что мы будем делать? – тут же отреагировал на это Крячко.

– Вызывай себе такси, а я с ним потолкую, – задумчиво проговорил Лев Иванович.

– Нет уж, – решительно отмел эту идею Стас. – Пойдем и все узнаем.

– Да все нормально.

– Я тоже так думаю, – легко согласился Крячко с этими словами лучшего друга и осведомился: – Я что, помешаю?

Помешать он не смог бы ни в коем случае.

– Ладно, смотри, – сказал Гуров.

Незванов обошел «Хендай», приоткрыл дверцу и замер, пропуская грузовик, проезжающий мимо.

Господа полковники медленно пошли в сторону машины. Незванов смотрел на них и не двигался. Каждый был готов ко всему.

Гуров сразу расставил все точки над «і». Никаких посиделок в кафе или в каком-то другом подобном месте! Если Незванову что-то нужно от него и Стаса, то пусть говорит прямо здесь.

Но тот не согласился.

– Я предполагал, что в мою машину вы не сядете, – признался он. – Но кафе выбрал не случайно. Магазинов рядом не вижу. Просто с утра ничего не ел, а мне еще целую ночь работать. Хотел купить пару чебуреков.

– А откуда знаешь, что в этом кафе чебуреки продаются? – тут же поинтересовался Стас.

– Бывал я тут, – спокойно ответил Незванов.

– Таксуешь? – поинтересовался Крячко, рассматривая «Хендай».

– Сегодня – да. Подрабатываю курьером еще, но попереть могут в любой момент. Просто иногда подменяю одного человека. Он числится в штате официально, но на самом деле не всегда успевает развезти заказы. Я ему помогаю.

– А почему это тебя могут попереть? – не отставал Крячко.

– Я же срок мотал. – Незванов посмотрел на Стаса как на дурака. – Или это вопрос с подвохом?

– Нет тут никакого подвоха, – успокоил его Крячко. – Просто мне стало интересно, чем ты на жизнь зарабатываешь.

– Теперь вы в курсе, – сказал Незванов.

– Не попрут, если не узнают, – подал голос Гуров. – Не светись, да и все. Если тебе действительно это важно. Но лучше найти такое место, где не придется скрываться от начальства. Тот парень, который тебя прикрывает, надежный?

– Не знаю, – ответил Незванов. – Познакомились на рыбалке, он сам предложил мне работать вместе.

– То есть он не в курсе твоего прошлого?

– В курсе. Мир не без добрых людей.

Тут все трое резко повернули головы в одну сторону. Из-за поворота, с той стороны, где, видимо, находилось кафе, замеченное Незвановым, донеслась громкая музыка. До этого момента ее почти не было слышно, а теперь вдруг кто-то врубил на полную. Гулкое эхо тут же покатилося по улице подобно бильярдному шару. Впрочем, атака на слух оборвалась так же внезапно, как и началась. Видимо, тот человек, который сидел рядом с динамиком, не выдержал пытки.

Крячко протиснулся между Гуровым и Незвановым, сделал шаг в ту сторону, откуда только что донесся взрыв дикой какофонии, и заявил:

– Ты, Лева, можешь здесь и дальше стоять, а я, пожалуй, все-таки за то, чтобы что-нибудь съесть.

Незванов вдруг отступил в сторону и сказал:

– Я не могу бросить машину здесь.

Гуров указал рукой в направлении безлюдного переулочка и сказал:

– Поставь ее вон там.

– А это можно? – спросил Незванов и вытянул шею.

– Запрещающих знаков нигде нет.

Незванов пошел к машине.

– Скажи, Стас, к тебе когда-нибудь обращались за помощью те люди, которых ты упек за решетку? – осведомился Лев Иванович.

– Не припомню такого, – ответил Крячко и полюбопытствовал: – А к тебе?

– Тоже не припомню, – сказал Гуров. – Я вообще мало что понимаю в том, что происходит прямо здесь и сейчас.

Незванов вернулся к сыщикам с пакетом, в котором лежали чебуреки. Он купил две штуки себе и по одному для Гурова и Крячко, не спрашивая у них согласия.

– Возьми деньги. – Лев Иванович протянул ему купюру.

– Не возьму, – отказался Незванов. – Но если вам руки марасть не хочется, то я пойму. Чебурек, которым угощает бывший зэк, наверняка отравлен. Или что-то еще с ним не то. Может быть, принимать угощение от того человека, которого ты засадил на четыре года, плохая примета? Просветили бы, а то я не в курсе.

Гуров ничего на это не сказал. Он порядком утомился и с нетерпением ждал завершения этого дня, чтобы добраться до дома, сунуть голову под душ, заварить чай и упасть на диван. Все так и было бы, не появившись на его пути Артем Незванов.

Крячко, в отличие от напарника, сопротивляться не стал, принял подарок и сразу же его надкусил.

– Вещь! – Он поднял большой палец. – Лев Иванович, если ты от своего чебурека отказываешься, то я его забираю.

– Забирай.

Места для спокойного разговора в радиусе нескольких метров отсутствовали. Везде были люди. Незванов предложил сыщикам пройти к машине.

Дорога должна была занять неполные десять минут, и Гуров решил, что молчать будет непозволительной роскошью.

– Рассказывай! – обратился он к Незванову.

Тот шел рядом, не поднимая головы. В руке у него болтался пакет с чебуреками.

– Нас было четверо, если помните, – сказал он.

– Помним, – отозвался Стас. – И что?

– Мы не теряли связи, – продолжил Незванов. – Так уж вышло. Все-таки они были мне не чужие. Разбросало нас по разным колониям, но я всех нашел.

– И что же, они были рады встрече? – поинтересовался Крячко.

– Да, – с вызовом сказал Незванов. – Сейчас на зоне остался только Байрон, ему больше всех дали. Остальные уже вышли.

– Немец и Кудесник, значит, на свободе, – сказал Гуров. – И как давно?

– Да уже несколько лет, не скажу точно. А вот Байрон сидит до сих пор. Болеет он.

– Ему лет-то сколько? – спросил Лев Иванович.

– За шестьдесят точно.

– Помню, что он уже был болен, когда получил срок.

– Да, онкология, – произнес Незванов. – Не знаю, как он протянул.

– А ты, значит, вышел из воды самым сухим? – подколот его Стас. – Молодой, мало в чем виновный, да?

Незванов бросил в его сторону тяжелый взгляд.

– Я сотрудничал со следствием. Если вы забыли, то я прекрасно все помню. Отсидел от и до. Никаких нарушений, ничего такого не было.

– Ладно, успокойся, – бросил ему Крячко. – Давай по делу.

– С Кудесником я общаюсь чаще, чем с Немцем, – продолжил Незванов. – Так и раньше было, еще до того как нас замели. Он хотя бы человеком после отсидки остался. А вот у Немца

совсем крыша поехала. В общем, мне с ним не по дороге. Но я сейчас не о нем. Кудесник не выходит на связь уже три дня. Он в последнее время несколько раз говорил о том, что жутко устал, и его жизнь уже не имеет смысла. Ему действительно не везло. Но все равно это было странное заявление. Хотя бы потому, что он никогда не поднимал подобную тему раньше. Я ему ответил, что все равно надо крепиться, бороться, посоветовал снова поискать работу. А теперь он на звонки не отвечает. Такого прежде не было. С похмелья, больной, но Кудесник всегда мне перезванивал. Он живет один, родителей у него нет, семьи тоже. Бухает. Не работает. Я ему деньги привозил, еду всякую. Какие-то соседи, он говорил, тоже помогали. Я, правда, ни с кем из них не общался. Но сомневаюсь, что он со всеми ладил, потому что он после зоны сломался. Стал психом. Как и Немец. Оба буйные.

– Кудесник был психом? В каком смысле?

– В прямом, – нехотя ответил Незванов. – По определению. Говорил, что когда-то состоял на учете в психоневрологическом диспансере. Зона его добила. Никому не верит, ничего не хочет. Пошел сначала дворником устраиваться, но, разумеется, ему были не рады. Потом сантехником хотел, в столярную мастерскую сунулся, еще куда-то, но везде были отказы или конфликты в первый же рабочий день. Он не гибкий нисколько, молчать не будет. Однажды пошел в магазин. Там, в очереди у кассы, его узнал какой-то мужик и при всех заявил, что бывших воров не бывает. Кудя не выдержал, набил ему морду, приехала полиция. Вот такие дела. Кажется, это был его последний заплыв, больше он устроить свою жизнь не пытался. За несколько лет опустился, перестал убираться в доме, завел каких-то дружков-алкашей, они половину хаты вынесли и пропили. Пропал человек. Только я все равно не могу его бросить. Он умный, и руки у него золотые... были.

Стас вытер пальцы салфеткой, скатал ее в шарик и, не сбавляя шага, отправил его в ближайшую урну.

– Славная история о падении Римской империи, – заявил он. – Ты колесил за нами едва ли не по всей Москве, чтобы рассказать об этом?

Незванов коротко мотнул головой, но ничего не ответил.

– Что именно тебя волнует в этой ситуации? – спросил Гуров. – Исчезновение друга? Ты же за рулем, сел и поехал к нему. Надо было сделать это еще три дня назад. Теперь ты не волновался бы.

Они уже ступили в сумеречную зону, где недавно встретились. Впереди в стене дома замаячил черный провал переулка, увеличивающийся с каждым шагом.

– Я не могу туда ехать, – сказал Незванов и остановился.

Лев Иванович сделал то же самое.

Стас держался поодаль. Он понимал, что перекрестный допрос старого знакомого только усугубит дело. Пусть лучший друг пока один старается. Крячко всегда успеет прийти ему на помощь.

– Почему ты не можешь? – спросил Гуров.

Незванов взвесил в руке пакет с чебуреками и сказал:

– Меня вырастила бабушка, которая умерла еще до того как я... – Он запнулся.

– До того. Я понял, – сказал Лев Иванович. – И что? Не понимаю, при чем тут твоя бабушка.

– Если я пойду в полицию и скажу там то же самое, что и вам, то сразу попаду в поле зрения.

– Так мы и есть полиция. Ты уже пришел и попал, – заявил Стас. – Или ты что-то знаешь про своего знакомого?

Незванов поднял голову и прямо взглянул ему в глаза.

– Вы никогда не думали, как живет человек после отсидки? – без тени сарказма в голосе спросил он. – Ну да, конечно. Зачем вам это?

– Хватит! – Гуров скривился. – Ты, наверное, решил изобразить мученика. Не надо. Не получится.

Незванов повернулся к нему и проговорил:

– Вовсе нет. Зачем мученика? Я преступник. Мне это известно. Им и останусь в глазах других людей. Так и с Кудесником было. Отношение к себе понимаю, осознаю, что сам во всем виноват. Но печать-то на мне никто не ставил, хоть ее и видят все, кому не лень. Почему я не поехал к Кудеснику? Объясню, если вы еще не поняли. Про бабушку я не просто так вспомнил. Она была моей семьей. А теперь у меня жена и маленький ребенок. Если с Кудей что-то случилось, то виноватым окажусь именно я. Ну а кто еще? Только я. Потому что сидел. Кого же еще подозревать? Вот и останутся мои родные одни. Нет, я рисковать не могу.

Незванов раздражал Гурова. Его высокопарная речь вызвала желание развернуться и уйти. Но в то же время он был прав. После того как они расстанутся, у сыщика останется куча вопросов к нему. То, что на первый взгляд кажется простым, часто требует серьезного подхода, а в итоге оказывается совсем не тем, чем представлялось. Возможно, сейчас был именно тот случай.

– Если бы с Кудесником что-то произошло, то на тебя уже вышли бы наши коллеги, – сказал Гуров. – Если же они о тебе не вспомнили, значит, он в порядке.

– А если нет?

– Так проверь ты, господи, – не выдержал Крячко.

– Ты думаешь, что он умер, но тело еще не обнаружено? – спросил Гуров. – Такова твоя догадка?

Незванов чуть помялся, потом сказал:

– Не знаю. Он же пил. Жил один в частном доме. С ним что-то случилось, я чувствую. Почему я не могу дозвониться до него?

– Вот ведь проблема-то. – Крячко вздохнул и поинтересовался: – Так, а мы тебе зачем?

– Как прикрытие, – ответил Незванов, пожал плечами и полез в карман. – Не могу ехать туда один, в полицию тоже не пойду, потому что на смех поднимут. Я заплачу, если нужно.

– Убери деньги! – заявил Гуров, посмотрел на лучшего друга и спросил: – Прокатимся?

– Вы это серьезно? – Незванов не поверил своим ушам.

– Да, вполне серьезно. Завтра в десять утра, туда и обратно, а то у меня дела потом. Сможешь?

– Смогу, – не сказал, а выдохнул Незванов. – Куда мне подъехать? К вашему дому?

– Так ты знаешь, где я живу? – Лев Иванович вздернул брови.

– Конечно, – ответил Незванов. – Два дня за вами следил. А сегодня вот наконец-то решился подойти и поговорить лично.

Глава 2

К ночи прохладнее не стало. Москва задыхалась под теплым маревом, как ребенок, которого летней ночью родители зачем-то накрыли теплым одеялом.

Спать было невозможно. После долгожданного душа и кружки крепкого чая остатки усталости ушли по-английски. Гуров поставил телефон на зарядку, вышел в центр комнаты, скрестил руки на груди и обвел стены хмурым взглядом.

Ремонт, значит.

Однако теперь эта мысль не имела никакой важности. Появление Артема Незванова сломало Гурову все планы. Бывшие заключенные не станут встречаться с теми людьми, которые внесли жестокие коррективы в их жизненные планы. Бывший зэк не стал бы просить помощи у полиции, сам справился бы со своими проблемами.

Но Незванов пришел к Гурову, вернулся, вывернул наизнанку душу.

Что-то здесь было не так.

Лев Иванович вздохнул и покинул комнату. Его путь лежал на кухню, к холодильнику. Там должна была остаться вчерашняя буженина. Если повезет, то и огурец найдется. Может, даже пиво.

Соорудив бутерброд, Гуров отправился на балкон. Пиво он пил прямо из горлышка. Здесь и сейчас ему не перед кем было кривляться.

Пятница и тепло выгнали москвичей на темные улицы. Кто-то рассмеялся на детской площадке.

«Снова загадят всю песочницу, – подумал Лев Иванович. – С виду взрослые лбы, но не слишком-то выросли, если их тянет на качели».

Гуров не был снобом, мысленно ворчал скорее ради того, чтобы не показаться самому себе равнодушным человеком. Он помнил себя в юном возрасте и был с собой честен, понимал, что мало чем отличался тогда от тех субъектов, которые сейчас распивали в песочнице одну бутылку вина на шестерых. Это ерунда, проба пера, если можно так сказать. Вот чуть позже начнется серьезное дело – взросление. Тогда людей потянет уже в другие места.

Впрочем, скоро он думал уже совсем не о тех личностях, которые радовались жизни на детской площадке.

Полковник вспомнил слова Незванова о тяжелой доле каторжника, которому удалось-таки вернуть все долги государству. Но и даже после этого жизнь его слаще не стала.

Увы, Гурову нечего было на это ответить. Он прекрасно понял Артема и в глубине души посочувствовал ему, но дальше этого дело не зашло. Незванов отмотал срок не по ошибке, а за дело. Потому и получил последствия во всех сферах. Если ты сильный, то не сломаешься, заставишь людей себя уважать. Особенно, если есть за что.

Но Незванов не был сильным. Потому, наверное, главарь банды Байрон, в миру Геннадий Левинский, и не брал его на дело, а оставлял стоять на шухере.

Теперь, когда Гуров вспомнил историю многолетней давности, образ предводителя организованной преступной группы сразу встал перед его глазами. Это был высокий, очень худой черноволосый мужчина с впалыми щеками. Внешне он никак не напоминал преступника.

Бандитов тогда взяли быстро и тихо. Байрон достался Стасу, который приготовился к сопротивлению, но не получил ни одного намека на протест. Этот тип лишь тихо выругался, с улыбкой вытянул руки вперед и позволил браслетам поставить точку в его воровской карьере.

На допросах он вел себя спокойно, был вежлив, отвечал на все вопросы. Как-то так вышло, что все стражи закона, которые работали с ним, пришли к единому мнению. Это не он у них в гостях, а, наоборот, они у него. Байрон обладал великим даром располагать к себе любого человека.

Даже Орлов после встречи с ним чертыхнулся и сказал:

– Он отменный лидер и сильный психолог. Остальные так, шашки и пешки. Осторожнее с ним, ребята.

За последующие годы Гуров не раз встречал подобных персонажей. Поэтому он не вспомнил Байрона сразу и уж точно не предполагал, что ему когда-то снова придется услышать его имя.

Раздался звонок в дверь.

Лев Иванович удивленно обернулся, словно надеялся, что вид пустой комнаты позволит ему угадать имя ночного гостя. Он никого не ждал и, разумеется, не боялся, но прежде чем открыть дверь заглянул в глазок.

На пороге стоял Крячко с огромной спортивной сумкой на плече.

Гуров открыл дверь, отступил в сторону и пропустил напарника внутрь. За порогом Стас задел сумкой о стену и с облегчением уронил ее на пол.

– Долго же ты скрывал свои чувства ко мне, – сказал хозяин квартиры.

– Да и от тебя чего-то такого не дождешься, – заявил Стас.

– Значит, все-таки твои строители напортачили, – с удовольствием произнес Гуров. – Что на этот раз?

– Перекрыли стояк и снесли всю сантехнику, – ответил Крячко. – Кроме того, обмазали стены какой-то фигней, и теперь в квартире стоит дикая вонища. Слушай, мне действительно некуда деваться. На несколько дней пусти, а?

– А в сумке что?

– Белье, фотоаппарат, кроссовки, чистая одежда. Спас, пока не провоняло, – ответил Стас. – Ну что скажешь? Можно пожить у тебя? Жену ты отправил на гастроли, насколько я помню.

– Я не против, живи, конечно, – сказал ему Гуров. – Но позвонить заранее ты все-таки мог бы.

– Так я звонил, только ты не ответил.

Лев Иванович пошел на кухню, взял в руки телефон, стоявший на зарядке. Так и есть. Четыре пропущенных входящих с интервалом в десять минут и звук на минимуме. С балкона и не слышно было.

– Хорошо, что ты сказал про телефон, – проговорил Гуров. – Если бы позвонила Мария, то я не ответил бы ей.

Они договорились, что он не станет обрывать ее телефон. Жена обещала позвонить ему первой, сразу после того как устроится на новом месте. Она сделала это уже довольно давно, еще в первой половине прошедшего дня.

– Вот! – Крячко поднял указательный палец. – Я твой спаситель. Какая-то еда у тебя есть? – Стас открыл холодильник, увидел его весьма скудное содержимое, на мгновение задумался, вцепился в коробку с яйцами и спросил: – Ты как насчет яишенки на ночь, а, Лева?

– Я не буду, – ответил Гуров.

– А я, если позволишь, соблаговолю перекусить. Вроде бы целый день ем, а все равно душа просит. Думаю, что это на нервной почве.

Он чувствовал себя в квартире Гурова как дома. Отчасти так оно и было. Отношения, сложившиеся между напарниками, давно переросли в крепкую мужскую дружбу и уже напоминали родственную связь, лишенную особой оглядки на разницу в служебном положении.

Наблюдая за тем, как Стас расправляется с яйцами, Лев Иванович понял, что не зря тот сегодня появился в гости. Самое время обсудить грядущую вылазку с Незвановым.

Крячко и тут угадал мысли Гурова.

– Как думаешь, Незванов всерьез расстроен из-за того, что его знакомый мог попасть в какой-нибудь замес? – спросил он через плечо и полез лопаткой в сковородку.

– Он не расстроен, а испуган, – поправил лучшего друга Гуров.

– Или так, – легко согласился Стас с этими словами. – Только вот чего же он боится?

– Интересный вопрос.

– Завтра и узнаем, – сказал Крячко.

– А если это ловушка?

Стас сел за стол, подвинул к себе тарелку с яичницей. На подоконнике зашумел чайник.

– Ты слишком уж легко согласился составить ему компанию, – заметил он. – Я прямо растерялся. Причина-то какая-то дурацкая. Дескать, беспокоюсь за друга, но боюсь к нему идти. Это не очень понятно.

– Ты знаешь, ведь нас с тобой люди не так уж и часто вспоминают добрым словом. Больше проклинают.

– Но не мстят, – с улыбкой проговорил Стас. – Но ты прав, Лева.

– В чем?

– В том, что он чего-то боится, что ли.

– Он боится, что снова сядет, – сказал Гуров. – Это абсолютно точно. Живет и оглядывается. Возможно, беспокоится не только за себя.

– Он говорил, что у него семья, – вспомнил Стас, подцепляя вилкой остатки яичницы.

– Нет, дело не в семье. Тут что-то другое.

– Что именно?

– Посмотрим на месте. Просьба Незванова лишь на первый взгляд кажется абсурдной. С Кудесником могло произойти все что угодно. Даже лучше будет, если мы окажемся там вместе с Незвановым, а то он там что-нибудь не то учинит.

– Удивительный ты человек, Лева, – сказал Стас и покачал головой. – Но если ты уверен, то я никаких вопросов не имею.

– Ни в чем я не уверен, но проверить стоит.

– Может, позвонишь Орлову? Он поднимет свои связи. Ему это сделать легко и просто. Позвонит в область, попросит участкового навестить бывшего заключенного. А, Лева? – проговорил Стас.

– Все-таки люди не перестают отвечать на звонки просто так, без особых причин, – не глядя на него, заметил Гуров.

На этом запас умозаключений, имевшихся у него в голове, закончился. Он вдруг понял, что очень сильно устал. В центре лба разливалось болевое пятно.

– Я в спальне лягу, а ты давай-ка на диване в комнате, – сказал хозяин квартиры гостю, поднимаясь со стула. – Плед и подушка в шкафу. Не сиди долго, завтра рано вставать.

Как ни странно, Гуров неплохо выспался. Ночь прошла без приключений. Ему не понадобились ни таблетка от головной боли, ни озеро ледяной минералки, кошмары тоже не снились. Он вообще привык обходиться без снов.

До встречи с Незвановым оставался час.

Лев Иванович решил не будить напарника, упершегося носом в стенку, прошел на кухню и приготовил кофе. Он вспомнил о пачке сигарет и слегка расстроился от того, что опять готов был поддаться этой вредной привычке.

– Что, Гуров, снова за старое? – Сам у себя спросил сыщик. – Забудь о курении. Ты сила. Ты сможешь.

Однако попытка оказать сопротивление дурной привычке провалилась. Сыщик сдался, распахнул окно, свесился вниз и выдохнул сигаретный дым в ароматное осеннее утро. На улице не было никого. Народ весело проводил пятницу и теперь отсыпался.

Гуров попытался вспомнить Кудесника, но картинка вышла смазанной. В памяти Льва Ивановича сохранились лишь некоторые детали. Высокий, какой-то изломанный, с длинными руками и русыми жидкими прядями длинных волос. Очки, уменьшающие глаза, и без того небольшие.

Кудесник вел себя вызывающе, но скандалы не провоцировал. Он, скорее, играл роль, изображал гения, оскорбленного и отвергнутого миром. Мог пустить слезу. Однажды во время допроса зачем-то разразился как громом стихами Маяковского. Гуров уже не помнил, почему так вышло.

Кличка «Кудесник» объяснялась просто. Человек, который ее носил, очень уж ловко работал руками, вытворял поистине волшебные вещи. На «Мосфильме», по его словам, с него сдували пылинки. На грим к нему стояли очереди, сплошь состоявшие из самых заслуженных деятелей различных искусств.

За спиной послышались шаги. Гуров распрямился.

На пороге кухни с недовольным видом стоял Стас.

– Доброе утро, – сказал Лев Иванович. – Хорош спать. Кофе готов.

– Я на запах и пришел, – пробурчал Крячко.

После кофе друзья окончательно проснулись. Они думали спуститься на улицу до появления там Незванова, но он их опередил.

– Ехать недалеко, – сказал Артем, выжимая сцепление. – Разогнаться не успеем.

– Это куда? – спросил Стас.

– Совхоз имени Ленина.

Черная машина покатила к окраине Москвы, выскочила на кольцевую и долетела до нужного места. Дороги были совершенно свободны.

Возле дома Кудесника они были ровно через час.

Когда-то этот бревенчатый дом был крепким и смотрелся основательно. В те времена здесь жили люди, которые занимались огородом и красили деревянный забор голубой масляной краской. Каждую зиму между оконными рамами на пушистой желтой вате алели сморщенные ягоды рябины. В комнатах пахло нагретым деревом и крепким чаем. Теперь же все то, что осталось от прежней, некогда вполне нормальной жизни, заросло травой, перекошилось, обветшало и ни на что не годилось.

Незванов поставил машину вплотную к забору, открыл дверцу, чуть помедлил и вышел наружу.

Крячко и Гуров пока оставались в салоне.

– Не понимаю, зачем мы сюда приехали, – тихо произнес Станислав.

– Сейчас узнаем, – сказал Лев Иванович, вышел на воздух и быстро оценил обстановку.

Под ногами притоптанная земля. Следов другого транспорта нет. Дом Кудесника стоял в центре улицы. Справа и слева от него возвышались другие, тоже частные, из окон которых можно было увидеть все, что происходило во дворе. Место открытое, продувается всеми ветрами, забор вот-вот ляжет на землю. Нет, вряд ли здесь кроется что-то опасное.

Незванов остановился около калитки, обернулся и сказал:

– Входная дверь приоткрыта.

– Значит, твой товарищ где-то рядом, – заявил Крячко. – Пойдем к дому, поищем его.

Незванов осторожно шагнул вперед.

Станислав подтолкнул его в спину.

– Идешь, прямо как по минному полю, – небрежно заметил он.

– В доме дверь приоткрыта, – повторил Артем.

– Да, я это вижу, – спокойно ответил Стас.

За домом, в самом углу участка виднелось приземистое строение, явно не жилое, но вполне себе основательное.

– Баня? – спросил Гуров.

– Да, – тут же ответил Незванов. – Он ее хотел переделать нормально, чтобы сдавать на лето, а потом раздумал. Решил на дрова растащить.

– Как и жизнь свою, – добавил Крячко. – Он что, не мылся?

– Как-то мылся, конечно, – ответил Артем и пожал плечами. – Но баней не пользовался. Там внутри бардак, всякий хлам.

– Понятно.

В доме никого не было. Гуров думал, что увидит сейчас одно из тех значных мест, на которые успел насмотреться за долгие годы работы. Однако жилище Кудесника выглядело более-менее прилично. Было видно, что он изредка подметал полы и посуду держал в одном месте, в старом разохшемся буфете. Пустые бутылки под ногами не валялись, мусор под подошвами не хрустел. В холодильнике обнаружились полпачки сливочного масла и коробка конфет.

– Как-то тут пусто, – сказал Стас. – А телевизор есть? Где он?

– В соседней комнате, – ответил Незванов. – Кудесник там спал. В том помещении теплее, окна целые, из них не очень сильно дует. – Он сделал шаг к двери, ведущей в соседнюю комнату.

Однако Гуров опередил его, зашел первым и тут же сказал:

– Стас, поди-ка сюда.

Крячко оттер плечом Незванова и исчез в дверном проеме.

Оставшись в одиночестве, Артем чуть потоптался на месте и решил последовать за сыщиками. Он сделал пару шагов, наткнулся на тяжелый взгляд Крячко и замер.

В двух шагах от него на полу лежал человек. Его лицо и всю верхнюю часть туловища заслоняла широкая спина Гурова, опустившегося на одно колено. Однако худые ноги в грязных джинсах и стоптанных кроссовках, стянутые в щиколотках полосками скотча, Незванов узнал сразу. Ведь эти штаны и обувь когда-то носил он сам, а потом решил пожертвовать их Кудеснику. На левой ноге Артем вдруг разглядел желтый березовый лист, застрявший под шнурками, и подумал, что Кудесник совсем запустил себя.

Гуров распрямился и достал мобильный телефон.

Лицо человека, лежащего на полу, открылось, и Незванов тут же уставился на него. В самом центре его лба зияла аккуратная черная дыра. Кровь, успевшая за несколько дней свернуться, совсем не походила на саму себя. Она, скорее, напоминала бурюю грязь, бывшую когда-то вязкой жижей, а теперь засохшую, превратившуюся в тонкий слой глины.

– Это он? – спросил Гуров.

Незванов отвернулся, шагнул в угол и сложился пополам.

Лев Иванович решил было, что сейчас он ткнется лбом в стену и потеряет сознание, но этого не произошло. Артема Незванова стошнило.

– Это он? – громче повторил Гуров.

Не поворачиваясь и держась рукой за стену, Незванов кивнул.

– Иди на воздух! – приказал ему сыщик. – Откуда же ты такой нежный взялся?

Артем распрямился, обернулся, с неожиданной злобой взглянул Гурову в глаза.

– А ты догадайся! – зло выплюнул он, мазнул себя по губам ладонью и вышел из комнаты.

Появление полиции и машины «скорой помощи» в субботний полдень вызвало оживление среди соседей. Ну да, еще бы, такое событие! Местного алкоголика нашли мертвым. Теперь будет о чем поговорить в очереди за пивом.

Спектакль длился несколько часов.

Следователь узнал о том, что труп обнаружил сам Лев Иванович Гуров, попросил его остаться до конца осмотра места происшествия и предложил принять участие во всем, в чем только захочется. Гуров снисходительно согласился.

Этот парень был молод, но не обладал той безбашенной горячностью, с которой не набравшиеся опыта юнцы стараются продемонстрировать свое умение перед настоящими мастерами. Напротив, он, кажется, был рад поучиться чему-то новому и о наставнике лучше Гурова даже и помыслить не мог.

Молодой человек, забывшись, представился Егором, потом спохватился и назвался уже официально:

– Следователь по особо важным делам лейтенант юстиции Богомолов Олег Петрович.

– По особо важным, значит? – Гуров усмехнулся и полюбопытствовал. – И давно?

– Да два года уже.

– И как? Получается?

– Вроде бы да, – ответил лейтенант с заметным смущением.

– Ну и замечательно. Тогда заживем, – сказал сыщик хлопнул его по плечу и продолжил: – Проводите-ка вы меня в дом, Олег Петрович. Я там уже был, каюсь, но не успел как следует осмотреться.

Ему и самому хотелось остаться здесь.

Крячко решил было не мешаться под ногами, но вскоре не выдержал и тоже влился в процесс. Вместе с оперативниками он осматривал баню и вскоре изложил первую версию развития событий.

Убит Кудесник был именно возле бани, ибо кровищи там, на земле, оказалось немерено. Позже следы ее обнаружили на пути в дом, куда хозяин попал не своим ходом. Его тащили туда волоком.

– Не повезло убийце, – заметил Стас. – Если бы прошел дождь, то он смыл бы кровь от бани до дома. А что внутри хаты? Там она тоже должна быть.

– Мы ее уже нашли. Кто-то пытался замывать следы на полу, – сказал Богомолов.

– Надо нам со Станиславом Васильевичем не забыть отдать вам свои отпечатки, – пробормотал Гуров.

– Заберем в любом случае, – ответил следователь. – А теперь, Лев Иванович, пора бы вам рассказать мне о том, как вы здесь оказались.

«Поздновато ты спохватился, парень, – с усмешкой подумал Гуров. – Слава богу, что мое имя на слуху, а то бы пришлось выкручиваться».

Сыщик решил изложить следователю причину их появления здесь.

– Незванов сильно переживал насчет того, что его знакомый не выходит на связь уже несколько дней, – проговорил он. – Думаю, он и сам скажет вам об этом. Но ехать сюда один он боялся, поэтому мы здесь и оказались.

– Вы сказали, что он боялся? – Богомолов заметно напрягся.

– Да, мне так показалось. Он на многое пошел, чтобы нас сюда вытащить, – ответил Гуров. – Все дело в том, что десять лет назад мы задержали Незванова и еще трех человек, обчищавших квартиры. Они работали очень... интересно, если можно так сказать, и выследить их удалось далеко не сразу. Но взяли мы их чисто. Никто не пострадал. Наводчиком у них был именно тот человек, труп которого мы нашли в этом доме.

Сыщик и следователь одновременно посмотрели в сторону Артема Незванова, одиноко подпиравшего хлипкую калитку. Он не знал, куда деться, топтался на месте и чувствовал себя довольно паршиво. Гуров заметил в его руке сигарету. Незванов курил короткими и быстрыми затяжками, не сводя глаз с дальнего угла участка, где возле бани копошились оперативники.

– Нервничает, – сказал Богомолов и спросил: – Вы, Лев Иванович, полагаете, что он что-то знал заранее о той беде, которая здесь случилась?

– Он утверждал, что руководствуется исключительно заботой о ближнем, – ответил Гуров. – Но меня насторожила его просьба о сопровождении. Именно поэтому мы с напарником и согласились отправиться с ним. Оказалось, не зря.

– Как интересно, – сказал следователь и прищурился.

– Весьма, – согласился с этим полковник.

В доме обнаружилась обувная коробка с ворохом документов, которые должен иметь каждый гражданин нашей страны. Паспорт на имя Андрея Валентиновича Горохова, одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, нашелся в кармане старой спецовки, которая, судя по всему, служила Кудеснику долго и верно.

– С ним лично знаком не был, – заметил следователь, рассматривая паспорт. – Но фамилию его уже слышал.

Они зашли в комнату, служившую Кудеснику спальней. Тела здесь уже не было. Медики осмотрели его и погрузили в «скорую». Кроме сыщика и следователя в помещении находился эксперт, который пытался разобраться с отпечатками пальцев.

В комнате не было никакой мебели, кроме старой кушетки с несвежим постельным бельем и стула, стоявшего в ее изголовье. На нем лежала пустая пластиковая бутылка из-под минералки.

– Его фамилия должна быть здесь известна, – сказал Гуров. – Опять же, по словам Незванова, он вел достаточно шаткий образ жизни и мог сцепиться с любым человеком, который не вызывал в нем доверия. Наверняка в отделении найдутся протоколы о его задержании. Не будем играть в испорченный телефон, я не секретарь Артема Незванова, но проверьте на всякий случай сводки.

– За какой срок?

– Это уже вам решать.

– Проверим. Думаете, что его могли убить собутыльники?

– Все может быть, – не задумываясь, ответил Гуров. – Возможно, гости заявили к Незванову исключительно для того, чтобы попариться в бане, которая чудом не рухнула на голову вашим бравым ребятам. Потом у кого-то из этих визитеров вдруг обнаружилось с собой оружие, после чего было принято решение пострелять по воронам, но что-то почему-то пошло не так. – Полковник замолчал, нащупал в кармане пачку сигарет, подумал и не стал вынимать ее оттуда.

– Вот живет человек на одном месте много лет, потом попадает в тюрьму, из которой выходит живым, возвращается домой, чтобы быть убитым под родной крышей, – не обращая внимания на сарказм своего кумира, принялся рассуждать следователь. – Кому же он мог помешать?

– Выясните. Я вам в этом не помощник, – сказал Гуров, бросил короткий внимательный взгляд на следователя, присел на корточки и коснулся пальцем грязного дощатого пола, выкрашенного в светло-коричневый цвет.

– Опросим всех, кого сочтем нужным. Я был очень рад пообщаться с вами, Лев Иванович, – произнес Богомолов и вышел из комнаты.

Гуров распрямился и задумчиво уставился в пол. Эксперт обернулся и посмотрел на него с недовольным видом, но сыщик не обратил на него никакого внимания.

В мутные оконные стекла бились тонкие березовые ветки. Они царапались о старые рамы и просились домой.

– Лев Иванович, ты где? – донесся от входа голос Крячко.

– Что такое?

На пороге появился Станислав и спросил:

– Ну и что? Когда едем?

Гуров не ответил лучшему другу. Уезжать отсюда, если честно, ему не хотелось. Ну да, отпуск, свобода. Да, он никому ни чем не обязан, потому что заслужил отдых. Но трупы вроде того, который был обнаружен прямо вот тут, под ногами, просто так не появляются.

– Слушай, ты сам до Москвы доберешься? – спросил Гуров.

– До Москвы? – Стас опешил. – Ты серьезно?

– Да, до Москвы.

– Лева, ты действительно хочешь остаться тут? – В глазах Крячко стояла тоска.

Его желание ни во что не вмешиваться во время отпуска было очень велико.

– Пойдем-ка на улицу, – предложил ему Гуров.

– Пойдем, – согласился Стас.

Лев Иванович первым вышел из дома и подождал друга.

– На, – сказал он и положил ему в ладонь связку ключей от своей квартиры. – Чувствуй себя как дома, а я потом приеду. Если вернешься к себе, то брось ключи в почтовый ящик.

Стас вернул их обратно и спросил:

– И что тебе в этом Незванове? Разве мало таких личностей мы с тобой встречали? Ну да, потерялся парень в этой жизни, и что теперь? Замочил кто-то его дружка, и дальше что? Маленький, не выживет?

– Я тут не из-за него, – ровным голосом произнес Гуров.

– А из-за кого? – раздраженно спросил Крячко.

– То старое дело, Стас. Его ведь мы с тобой вели, – напомнил ему Гуров. – Неужели у тебя внутри ничего не екнуло, когда Незванов в том переулке вдруг завел разговор о том, что у него душа не на месте?

Стас уставился куда-то поверх головы Гурова. Он стоял, уперев руки в бока, и размышлял над тем, что сейчас услышал.

– Ладно, – наконец-то сдался Крячко. – Я тебя услышал и понял, Лев Иванович. Только вот в чем дело, дорогой. Все, что здесь происходит, не имеет к нам никакого отношения.

– Как это не имеет?

– Ты понял, о чем я, – терпеливо продолжил Стас. – Мы здесь как свидетели. Никак не более того. Видал, какие орлы в местном отделе полиции летают? Следовательно этот тоже не дурак, хоть и молодой совсем. Они справятся и без тебя.

Сыщик слушал напарника и понимал, что тот прав на все сто. Нечего им тут делать. Не их район, просто мимо проходили. Просьбу Незванова выполнили. А уж то, во что вляпались, тут, знаете ли, не угадаешь. Он, Лев Иванович Гуров, не обязан подавать милостыню каждому встречному. Лучше, если рядом будет тот человек, у кого это получится сделать лучше.

Но мозг уже завелся. Он работал, жил своей жизнью. Гуров четко знал, что даже если примет решение не вмешиваться в процесс, то рано или поздно непременно это сделает, вспомнит, вернется, выдвинет свои версии.

Черт те что, а не жизнь.

– Слушай, Лева, я тебя одного не оставлю, но как же ремонт? – выложил последний козырь Стас.

– Так я и не отказываюсь, – сказал Гуров и пожал плечами.

Крячко откашлялся и заявил:

– Валяй. Все равно мне с тобой не справиться. Какие мысли?

Гуров словно только того и ждал.

– Незванов нам рассказал далеко не все, – тихо проговорил он. – Ему наверняка что-то известно. Ежу понятно, что не просто так он сюда рвался.

– И не просто так попросил нас поехать с ним и засвидетельствовать его непричастность, – продолжил Стас. – Ты это хотел сказать?

Гуров кивнул и устремил взгляд вдаль. Теперь пришла его очередь всматриваться в горизонт.

– Отдохнули, твою мать! – Крячко закатил глаза.

– Ты ремонт отдыхом назвал? Или я ослышался? – ответил на это Гуров. – Стас, я тебя не держу. Возвращайся домой, я же сказал. Никаких обид.

– А я тебе уже сказал, что никуда не поеду, – заявил Крячко.

Лев Иванович осмотрелся. Районные опера уже сворачивали бурную деятельность. Из-за угла дома вышел следователь с прижатым к уху мобильным телефоном и напряженным выражением лица.

«Доложил обстановку начальству и теперь выслушивает указания, – догадался Гуров. – Как бы напроситься на допрос Незванова?»

Ответ долго ждать не пришлось. Следователь убрал мобильный, сам подошел к господам полковникам.

– Поедете с ним? – спросил он и взглянул на Незванова, до сих пор стоявшего возле забора.

– Если вы приглашаете, то я буду рад отменить свои рутинные дела, – ответил Гуров, взглянул на Стаса и добавил: – Да и напарник мой тоже.

Когда Гуров работал, то назвать себя понимающим и сочувствующим человеком мог только с огромной натяжкой. Особенно отчетливо это ощущалось в те моменты, когда на горизонте появлялся кто-то, кто уже так или иначе сталкивался с законом. При этом степень близости и родственные связи не имели никакого значения. В круг таких людей мог войти кто угодно. Родители, друзья, коллеги, соседи.

Незванов в данном случае был именно тем человеком, который оказался неподалеку от эпицентра событий. Но при этом он был чист по всем статьям, несмотря на то что имел за плечами криминальное прошлое.

Присутствовавший во время допроса знаменитый московский сыщик Лев Иванович Гуров присутствовал на его допросе, сопоставлял все, что уже знал, с тем, о чем слышал от Незванова впервые, и был уверен в том, что у него обнаружится алиби. Что-то подсказывало ему, что тот не имеет никакого отношения к смерти Кудесника. Но вот почему он все-таки почуял что-то нехорошее? Это была загадка, ответ на которую полковнику хотелось найти как можно скорее.

Алиби подтвердилось тут же. Незванов скрепя сердце предоставил следователям контакты своего знакомого, на которого работал. Тот подтвердил, что в последние несколько дней Артем пахал как проклятый.

К вечеру Незванов совсем оправился. Наверное, потому, что вопросы, которые ему задавали, он слышал не впервые.

Артем Петрович Незванов, тридцати четырех лет от роду, уроженец Москвы. Адрес проживания такой-то, живет в гражданском браке, есть сын. Неродной, правда, но Артем готов жениться и оформить ребенка на себя официально. Ранее был судим, провел четыре года в колонии строгого режима. Официально не трудоустроен, поэтому крутится изо всех сил. На этом о себе все, если позволите.

С членами банды, в составе которой числился, отношения поддерживает. Просто эти люди оказались своими. Такое случается. Претензий к ним не испытывает, наверное, еще и по причине того, что налеты на квартиры пожилых людей все-таки не равны куда более тяжелым проступкам. Например, нанесению тяжких телесных или вообще убийству. Не было такого. Вор не убийца. Между ними есть разница.

Поддерживал связь с каждым, однако ближе всех общался именно с Кудесником. Простите, с Андреем Валентиновичем Гороховым. Несмотря на то что Кудесник был старше на

целых двадцать два года, именно с ним у Незванова сложились дружеские отношения. Он приезжал к нему, привозил продукты, деньги и помогал вещами, сочувствовал, поддерживал его морально, но при этом понимал, что толку от этого никакого нет.

В последний раз они созванивались три дня назад. Кудесник сообщил Артему, что дела идут не очень, приплюсовал к финансовым проблемам ухудшение здоровья. Во время разговора был трезв, но по тону голоса и манере речи можно было угадать, что ему срочно нужно поправить здоровье. Он пообещал Незванову перезвонить позднее и прервал разговор.

Но в тот день Кудесник не перезвонил. Артем попытался с ним связаться, но трубку никто не снимал, раздавались длинные гудки. Позднее вместо них повторялось извещение о том, что абонент недоступен. Незванов дал алкоголику еще сутки на отдых, но тот так и не вышел на связь. Тогда Незванов понял, что с Кудесником могла случиться любая беда.

Он сразу поехал к главному управлению уголовного розыска, чтобы выловить там Льва Ивановича Гурова и попросить у него совет или помощь. Незванов не имел желания ехать к Кудеснику по известной причине. Он мотал срок, и новые неприятности ему были ни к чему. Да, Артем струсил, но плохим человеком себя не считал. Он все-таки был единственным, кто помогал Кудеснику не умереть с голода.

Незванов не знал, что найдет друга убитым, все объяснял наличием отменной интуиции. Она его не подвела, а он как чувствовал.

У Артема все получилось. Он встретил Гурова и его напарника, уговорил их навеститься к Кудеснику. А дальше сами знаете.

Богомоллов внимательно слушал рассказ Незванова, уточнял подробности, задавал наводящие вопросы. Он очень быстро писал, заполнял протокол допроса сразу же, не откладывал это дело на потом.

Лев Иванович и Станислав Васильевич при этом оставались на заднем плане. Следователь выделил им пару стульев возле самого окна, а Незванова допрашивал, сидя за столом, расположенным в центре кабинета.

– Вы уже сообщили остальным о том, что случилось? – поинтересовался следователь.

– Кому? – не понял Артем.

– Вы сказали, что поддерживаете связь с бывшими членами банды.

– Поддерживал, – проговорил Незванов.

– И почему перестали?

– Да я не переставал. Только вот они не хотели со мной общаться.

– А каким способом вы общались?

– Писал в основном. Но и звонил тоже. Знаю, это нарушение, но мне было плевать, каким образом у Немца на зоне оказывался мобильник.

Гуров шумно вздохнул, напоминая о своем присутствии. Вопрос о связи его в данный момент не интересовал. Это явление всегда имело место. Оно будет процветать и дальше, с этим ничего не сделаешь. Заключение – люди изобретательные, готовые наизнанку вывернуться за глоток свободы.

Но Лев Иванович находился не там.

– Скажи-ка, Артем Петрович, – обратился он к Незванову. – Вот ты про интуицию вспомнил.

– Ну да, – сказал Незванов. – Иногда она у меня просто зашкаливает.

– То есть ты хочешь сказать, что именно в этот раз твой внутренний голос включил сирену?

– Мой внутренний голос и моя интуиция – разные понятия, – заявил Артем.

– В чем же разница?

Незванов растерялся и промолчал.

– А я тебе объясню, – с улыбкой проговорил Гуров. – Нет между ними никакой разницы. То обстоятельство, что ты так ярко пытаешься тут всем навешать лапши на уши, не делает тебе чести. Я верю в волшебство, правда. Но каждый раз разочаровываюсь, потому что в итоге оно всегда оказывается делом рук человеческих. Еще есть такая штука, как совпадение. К примеру, ты заволновался о товарище, а его аккурат в тот же самый момент и хлопнули на другом конце земного шара. Это вполне может быть, но шанс, что все произошло именно так, один к миллиарду. Вспомни-ка получше все, о чем тебе говорил твой друг в последнее время. Найди что-то, что тебе показалось странным.

– Да не было ничего странного, – обескураженно пробормотал Незванов. – Не помню я.

Гуров открыл было рот, чтобы что-то сказать, но следователь опередил его.

– Вы же даже не попытались, – устало произнес он. – Попробуйте вспомнить.

Но Незванов действительно не мог это сделать, хоть и старался. Его безумный взгляд бегал по столу как таракан, но конкретного смысла в нем не было.

– Он сказал, что не может сейчас говорить, потому что не один, – сказал Артем.

– Чудесно, – заявил Гуров и выдохнул с показным, театральным облечением. – Считай, дело в шляпе. Не один?! – Он резко повысил голос. – И что, это показалось тебе странным?! То, что он был не один? К нему же все окрестные синяки стаями ходили, разве нет?

Незванов перевел на него взгляд и произнес:

– Ты бы дослушал меня, Лев Иванович. Он сказал, что рядом с ним женщина, и добавил, что все расскажет потом.

– Час от часу не легче, – заметил следователь.

– Я, наверное, должен объяснить суть этого момента, – проговорил Незванов. – Кудесник и женский пол, это как балерина и танковые войска. Ему не везло с дамами. Он говорил мне, что каждую милую особу, с которой у него завязывались отношения, ему рано или поздно хотелось загримировать. Этот мастер против собственной воли замечал изъяны на их коже и с трудом сдерживал себя от критики в адрес очередной подружки. Но таким он был до отсидки. После освобождения он расслаблялся за столом в чисто мужской компании. Женщин там не было. Я бы знал об этом, потому что Кудя со всеми своими собутыльниками меня перезнакомил. И вдруг такое! Дескать, я не один, с женщиной!

– Когда он тебе об этом сказал?

– Да вот когда созванивались в последний раз.

– Ты только что об этом вспомнил?

– Забыл я!

Богомоллов выжидающе посмотрел на Незванова.

– Все. Ничего больше сказать не могу, – твердо заявил тот.

Следователь уткнулся в протокол допроса, затем протянул его Артему Петровичу.

– Ознакомьтесь.

Все подождали, пока Незванов просмотрит текст и распишется.

– Я могу идти? – спросил он и привстал со стула.

– Можете, – разрешил следователь. – Вы подписку о невыезде дали, помните?

– Да помню я. – Незванов вышел из кабинета.

Стас тут же заторопился следом за ним.

– Пойду и я, – сказал Гуров, выбираясь из-за стола. – Вам от начальства не влетит за то, что мы с полковником Крячко тут, так сказать, вмешались?

Богомоллов встал, протянул ему руку и заявил:

– Нет, никакой беды не будет. Лев Иванович, можно вопрос?

– Валяйте. Только недолго.

– Мне скорее нужен совет, – поправился следователь. – Вы же задерживали банду, в которой были Незванов и Горохов. Значит, сможете раздобыть материалы того дела, если понадобится. Я прав?

Гуров отступил на шаг назад, с наигранным восхищением взглянул на следователя.

– Материалы вам подавай, – насмешливо протянул он. – А без архива никак?

– Можно и без архива, – ответил следователь. – Да только что-то мне подсказывает, что если я запрос в Москву отправлю, то ответа буду сто лет ждать. А ознакомиться с материалами дела хочется как можно скорее.

– Будут тебе материалы, – пообещал Гуров, подошел к входной двери и взялся за ручку. – Но услуга за услугу. Мне нужен протокол осмотра трупа. Сможешь прислать?

– Да, конечно. Как только будет готов.

– Спасибо.

– Нет, это вам спасибо, Лев Иванович. – Следователь слегка качнулся всем корпусом, изобразил нечто вроде поклона.

– Всего хорошего, – сказал Гуров.

Он шел по коридору недавно отремонтированного отдела полиции, спрятав руку в кармане, держался за пачку сигарет и уговаривал себя не думать о вредной привычке, с которой почти распрощался.

Глава 3

Машину Незванов припарковал прямо за воротами отдела полиции. Стас уже сидел на переднем пассажирском сиденье и занимался своим мобильным.

Гуров подошел к нему, указал на пустое место водителя и спросил:

– Где он?

– Встретил знакомую, – ответил Стас.

– И куда они делись?

– Разуй глаза, Лева. Неужели ты думал, что я его просто так отпущу? Пригнись и увидишь.

Незванова и впрямь трудно было рассмотреть с этой точки. Он находился совсем рядом, метрах в пяти от машины. От Гурова его заслоняли пушистые кусты, но Стас со своего ракурса спокойно вел наблюдение.

Незванов был не один. Напротив него стояла полная пожилая женщина с алюминиевой тростью в руках. Держаться на ногах ей было трудно, но присесть оказалось некуда. Она терпела, перенесла вес своего тела на трость. Сыщику казалось, что та вот-вот согнется, не выдержит эдакую массу.

Гуров никогда не вмешался бы в разговор, если бы не тема, которую Незванов обсуждал с женщиной. Завидев Льва Ивановича, он указал на него рукой, и тот понял, что третьим лишним априори не будет.

Он подошел ближе и сказал:

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, – проговорила женщина и тяжело переступила с ноги на ногу.

– Я про него вам говорил, – произнес Незванов.

– Я так и поняла. Извините, руки не подам.

– Потому, что я из полиции? – пошутил Гуров.

– Потому, что тогда лишусь опоры, – ответила женщина. – Я Светлана Ильинична, соседка Андрея. – Она взглянула себе под ноги и покачала головой. – Убили, надо же. В голове не укладывается.

Эта особа говорила с сильной одышкой. Стоять ей было все труднее.

– Подвезти вас до дома? – спросил сыщик.

Светлана Ильинична вскинула голову, поморщилась и сказала:

– Дойду. Живу рядышком.

Незванов тронул ее за плечо.

– Давайте все же я помогу, а?

Она стала растерянно осматриваться, словно испугалась, что ее кто-нибудь увидит. Да и вообще ей неудобно стоять рядом с отделом полиции, в компании совершенно посторонних мужчин.

– Подгони машину, – сказал Гуров, не дожидаясь согласия Светланы Ивановны.

Незванов с готовностью кивнул и быстрым шагом обогнул кусты.

Лев Иванович подставил Светлане Ивановне руку, согнутую в локте.

– Спасибо, – сказала она, решилась и схватилась за нее цепкими пальцами. – На самом деле стоять очень трудно. Ходить тоже почти не могу.

– Но все-таки куда-то вам пойти понадобилось, – заметил Гуров.

– На почту.

– Это серьезная причина. А помочь больше некому?

Из ворот показалась знакомая машина. Она развернулась и остановилась рядом со Светланой Ильиничной. Стас галантно уступил ей свое место и помог устроиться в кресле.

Дорога заняла всего несколько минут. За окнами мелькнул знакомый забор, непонятно от кого охраняющий двор, заросший сорняком. Дверь в дом Кудесника была опечатана. Рядом с калиткой, держась одной рукой за перекладину, стоял мелкий мужичок не самого свежего вида. В другой руке он сжимал кепку.

«Вот так и бывает, – подумал Гуров. – Сначала ты приходишь в гости, а потом стоишь, обнажив голову, и отдаешь память почившему. Лишний повод раздавить пузырь, не так ли?»

– Уже стоят, – вырвалось у Светланы Ильиничны. – Наглые какие. Ненавижу их. Тусовались тут так, словно Андрей их приглашал.

– Вот ваш дом? – спросил Незванов. – Следующий?

– Да. Вот прямо возле калитки и останови, Артем.

Машина замерла возле дома, находящегося чуть ниже участка Кудесника.

Судя по всему, Светлана Ильинична была дамой весьма обеспеченной. На территории, обнесенной новехоньким забором из штакетника, располагался добротный двухэтажный кирпичный особняк с красной крышей. Вдоль гравийной дорожки, ведущей к дому от калитки, стояли невысокие пушистые елочки, из-под которых выглядывали разноцветные фигурки веселых гномов. Огородных грядок не было видно вообще, их места занимали астры всевозможных расцветок. Глядя на такое великолепие, можно было решить, что ты попал во владения цветочного короля, который неплохо зарабатывает на продаже цветов. Отсюда и деньги на богатую крышу и гномов.

Светлана Ильинична выбралась из машины сама, без посторонней помощи. Без трости она не смогла бы сделать и шага, но прямо перед калиткой вдруг отказалась от нее.

– До дверей стараюсь добираться своим ходом, – объяснила женщина, вставляя ключ во врезной замок. – Если и грохнусь, то хотя бы на своей территории.

– Понятно, – за всех ответил Стас. – А в гости пригласите?

Гуров был благодарен лучшему другу. Тот выручил его в очередной раз, переключил внимание на себя. Соседка Кудесника показалась Льву Ивановичу недоверчивым человеком, тем более что уже наверняка знала, что он из полиции, следовательно, может проявить к ней профессиональный интерес. Люди в таком возрасте, как правило, неохотно идут на контакт. Попроси он ее что-то рассказать о Кудеснике, она, скорее всего, отказалась бы, а вот с Крячко вполне могла бы пообщаться. Тот трудился над этим очень усердно, старался показаться ей добрым, сильным и надежным человеком, которому можно и даже нужно доверять.

«Давай, Стас, работай, – подумал Гуров. – Хочется, чтобы все у тебя получилось».

Так оно и вышло. Запрос Крячко на то, чтобы стать ее другом, Светлана Ильинична отклонять не стала.

Она обернулась, посмотрела на него через плечо и сказала:

– В гости-то? А что? Заходите.

Но в дом она никого приглашать не стала, предложила визитерам расположиться на пластиковых стульях, стоявших возле стены.

На земле в беспорядке лежали детские игрушки.

Светлана Ильинична опустила на стул и поморщилась от боли.

– Внучки, – объяснила она. – Всегда забывают за собой убрать.

– У вас большая семья? – спросил Гуров. – Судя по количеству игрушек, здесь побывал целый детский сад.

– Сын, невестка и две девочки-погодки, – ответила Светлана Ильинична. – Но вы же не про них хотите поговорить, да?

Стас с готовностью вынул из кармана удостоверение, но Светлана Ильинична даже в руки его брать не стала.

– Все равно не увижу, – отмахнулась она. – Достаточно того, что Артем вас знает.

Незванов, не решившийся сесть, стоял неподалеку.

– Так что смотри, все на твоей совести, – обратилась к нему Светлана Ильинична.

– Все нормально, тетя Света, я им доверяю, – ответил Артем.

– Тогда спрашивайте, – сказала женщина и пристально посмотрела на Гурова.

Мобильник в его кармане тут же разразился звонкой трелью. Звонок был очень некстати, но Лев Иванович не мог не ответить. Он чувствовал жену даже за тысячи километров.

– Прошу прощения.

Мария тоже умела читать мысли и по голосу мужа сразу поняла, что разговора не получится.

– Много о чем хочу рассказать, но сделаю это потом, – проговорила она. – Ты маякнешь, когда освободишься?

– У тебя все в порядке? – вместо ответа спросил Гуров.

– А у тебя?

– Да.

– Тогда и у меня все в порядке.

В этот момент он не только слышал жену, а еще и увидел ее улыбку.

– До связи, родной.

– Да, я наберу тебя позже.

Убирая телефон в карман, Гуров почувствовал на себе взгляд Светланы Ильиничны. Он повернул голову. Да, она смотрела на него очень пристально.

– Дела? – участливо поинтересовалась женщина.

– Они подождут, – заявил Лев Иванович.

– Тогда задавайте свои вопросы, – сказала Светлана Ильинична. – Андрея всю жизнь знаю, с матерью его вечно ругались из-за него. Когда ее не стало, пришлось мне следить за ним. Она рано умерла, ему тогда всего семнадцать исполнилось. Удивительны дела твои, Господи. Никто бы и не подумал, что буду ему штаны стирать и на экзамены в институт провожать.

– После того как он вышел, вы поддерживали отношения с ним. Я верно понимаю?

– А как же, – проговорила Светлана Ильинична. – Да кому он нужен-то был? Вернулся старый, больной. Кормила его, деньги давала. Пока сидел, следила за домом. Тут ворья полно, могли растащить остатки мебели или, чего хуже, забраться внутрь и устроить там что-нибудь вроде пожара. Я каждый вечер перед сном в окошки заглядывала. Сберегла ему жилплощадь.

– За дом тоже вы платили, пока его не было?

– Платила я, но деньги он мне оставил. Андрей в то время жил в Москве, появлялся здесь нечасто, а примерно за месяц до ареста принес мне деньги и попросил спрятать. Сказал, что доверяет мне, а это так, на всякий случай. Денег не хватило на все время, пока его не было. Я потом из своего кармана добавила, хоть и знала, что не вернет. Он очень благодарил меня, когда вернулся.

– Вы смелая и честная женщина, – сказал Гуров и осведомился: – Как он жил последние годы?

– Когда он вернулся? Лет пять назад, наверное. Да, где-то так получается, – сказала Светлана Ильинична. – А жил плохо. Знаете, почему так? Да потому, что был один. Никому не нужен. Вот и покатился. Сначала пил от злобы, а потом от тоски. На работу его не брали. Зачем этот преступник кому-то нужен? Он же сидел, ему верить нельзя! Ох, как я хотела ему помочь, кто бы знал. Вот из-за всех этих дружков его все и случилось.

– Что именно случилось? – спросил Стас и вместе со стулом переместился поближе к Светлане Ильиничне.

– Да спился он из-за придурков этих. Умер тоже из-за них, я просто в этом уверена. Вы знаете, мне больно вспоминать о нем и говорить тоже непросто, – призналась она. – Еще недавно, на днях, он в Москву собирался. У него вроде бы личная жизнь начала налаживаться.

Правда, выглядел все равно не очень. Я говорю, мол, давай постираю одежду, неужели вот так поедешь? Андрей сказал, что сам приведет себя в порядок и в доме уберется.

– Личная жизнь, говорите. – Гуров покачал головой. – Выходит, что, не все так плохо было у Андрея? Если на него женщины внимание обращали, значит, был еще орел, не так ли?

– Не был он как орел, – раздраженно ответила Светлана Ильинична. – Артем вон тоже его видел. Андрей плохо выглядел, много пил, денег у него не было, вечно перегаром за версту перло. Вот таким он был, другим его люди и не помнят. Хотела бы я посмотреть на его подружку. Не удивилась бы, если бы увидела, что она такая же.

– А она сюда случайно не приезжала? – забросил удочку Гуров. – Может быть, в гости он ее приглашал?

– Приезжала, – с удивлением протянула Светлана Ильинична. – А вы откуда знаете?

– Мы не знаем, а предполагаем. Работа у нас такая. Убийством вашего соседа занимается местная полиция. Мы оказались здесь совершенно случайно и не могли остаться в стороне. – Гуров замолчал и легонько, крайне осторожно прикоснулся к ее руке.

Светлана Ильинична медленно отодвинула его ладонь и демонстративно стряхнула с пальцев невидимую пыль.

Крячко с трудом подавил улыбку. Эта бабуля еле-еле передвигала ноги, однако имела поистине королевские замашки.

Гуров тоже оценил ее реакцию. Дама оказалась с норовом, который почему-то часто культивируется среди людей, находящихся в солидном возрасте. Некоторые становятся упрямыми и до изнеможения доказывают свою точку зрения, невзирая на то, что собеседник давно уже согласился со всем, что услышал. Еще они очень аккуратно делятся с малознакомыми людьми чем-то личным.

Светлана Ивановна ясно дала понять, что Гуров и Крячко находятся в гостевом статусе, а не являются представителями органов внутренних дел. Она им будет рассказывать только то, что сама сочтет нужным. Не нужно ее трогать. Ей это не нравится.

«Зря я расслабился и прикоснулся к Светлане Ильиничне, – подумал полковник. – Никакого злого умысла в моих действиях не было и быть не могло, но она ведь решила, что я перегнул палку. Не дай бог, сейчас выгонит нас отсюда к чертовой матери, и ничего уже не поделаешь».

Такого расклада Лев Иванович допустить никак не мог. Соседка Кудесника владела очень ценной информацией, и получить ее необходимо было любой ценой.

«Просто будь с ней аккуратнее, не шути, не хлопай ее по спине и не старайся казаться душкой, – саркастически приказал себе Гуров. – Выведи эту особу на прямую дорогу, и она пойдет вперед сама, без понуканий».

Но выводить Светлану Ильиничну ему куда не пришлось.

– Сегодня у нас что? Суббота? – пробормотала она.

– Да, тетя Света, суббота, – подал голос Незванов.

– Точно, суббота, – повторила Светлана Ильинична. – В пятницу я была дома. В четверг мне пришлось выйти на улицу. В среду, что ли, я заходила к Андрею? Или когда? – пыталась вспомнить она. – Ну да, в среду днем, принесла еды, чая попили, поговорили. Я заметила, что он бешеный какой-то. Скачет по дому, на месте не сидит. То во двор выйдет, то вдруг в окно выглянет. Тогда-то и сказал, что ждет в гости давнюю знакомую.

– Давнюю знакомую? Прямо так и сказал? – уточнил Стас.

Гуров взглянул на Незванова. Тот едва заметно пожал плечами.

– Или старую знакомую, но какая разница? – сказала Светлана Ильинична. – Может, подругу. Неужели это так важно?

– Нет, что вы, совершенно не важно, – проговорил Стас. – Мы поняли, что он ее не первый день знает.

– Получается, что так, – согласилась Светлана Ильинична с этими словами и наклонилась к Стасу, показывая Гурову, что тот вызывает у нее больше доверия.

Крячко участливо подставил ухо, чтобы не пропустить ни слова.

– Андрей еще телефон из рук не выпускал. Когда он все объяснил про знакомую, стало ясно, что для него это целое событие. Я очень удивилась, признаюсь. Он ведь и прежде не был красавцем, а тут и подавно без слез не взглянешь. Но ведь отношения!.. – Она подняла указательный палец.

Стас многозначительно кивнул.

– Тогда я и хотела взять его вещи в стирку, но он отказался. Андрей ждал ее к вечеру, а была я у него дома в обед. То есть он нервничал заранее.

– А что он о ней еще рассказал? – спросил Крячко. – Красивая? Где работает? Что-то еще?

– Нет, не говорил. Он вообще хотел побыстрее меня спровадить.

– Стало быть, вы не видели его подругу?

– Если она и приезжала, то ночью, когда я уже спала. Не стану же я специально следить за ними, – сказала Светлана Ильинична, пожала плечами, сморщила переносицу, наклонилась и с силой потерла колено. – Ноет, – объяснила она. – Обещали ливень.

– Правда? – Стас даже обрадовался. – Ты слышал, Лев Иванович? Ливень. Уходит лето. Пора.

«Как же удачно мы обнаружили труп Горохова, – подумал сыщик. – Дождь все улики смыл бы».

У Крячко наверняка были такие же мысли, но делиться ими он не стал. Не та компания.

– Нет, он ее не описывал, – заявила Светлана Ильинична и отрицательно помотала головой. – Сказал только, что давно знакомы.

– А как они нашли друг друга спустя столько лет? – осведомился Стас. – Вы же сказали, что у него не было других отношений.

– Не было, – повторила Светлана Ильинична. – До ареста он жил в Москве, работал на киностудии. Сюда приезжал на выходные. Иногда не один, а с друзьями. Среди них были какие-то девушки, но я не присматривалась.

– Значит, все-таки девушки были.

– До тюрьмы, – уточнила Светлана Ильинична. – Мы тогда редко виделись.

– Подождите, я не понял, – вмешался в разговор Гуров. – Вы сказали, что незадолго до ареста Горохов появился с деньгами и попросил вас спрятать их. Он не объяснил, зачем ему это надо?

– Нет, не объяснил, но сказал, что больше доверять некому. Так оно и было на самом деле, я полагаю. Посудите сами. Он сирота, ни семьи, ни детей, с людьми не может нормально общаться, только со мной отношения и сложились. Я ведь как узнала о том, что его арестовали? Да позвонил он. Разговор был коротким. Андрей объяснил мне, что совершил преступление, и его, скорее всего, посадят. Подробности не озвучил. Говорят, в его доме был обыск, но я тот момент не застала. Младшая внучка родилась, и я некоторое время жила у сына, помогала с ребенком. Это соседи потом мне рассказали про обыск. Андрей ни слова не сказал про деньги, которые оставил у меня. Но я не глупая, сразу поняла, что ему некуда будет возвращаться. Вот и сохранила ему крышу над головой.

– Как он отреагировал, когда узнал, что все деньги ушли на оплату жилья?

– Расстроился, но быстро взял себя в руки.

– Какую сумму он вам оставил?

– Много, – буркнула женщина и поджала губы.

– Насколько много? – мягко спросил Гуров.

– Не считала, не помню.

– Понятно.

– Полтора миллиона рублей, – раздался голос Незванова, до того молчавшего. – Именно столько он оставил вам, тетя Света.

Видимо, женщина не ожидала, что кто-то, кроме нее и названного сына Андрея вдруг окажется в теме. Она сжала кулаки, уперлась ими в колени. Будь у нее побольше здоровья и поменьше лишнего веса, эта особа бросилась бы на худосочного Незванова.

– А что же ты? – заявила она. – Почему не помог ему?

– Не помог потому, что тоже был в заключении, – спокойно ответил на это Незванов. – Вам ли не знать?

– Сидел! – не унималась женщина. – Именно! Наверняка по твоей вине Андрея и посадили. А теперь ты, оказывается, знаешь про деньги! Откуда, интересно?

– Мне Кудесник... Андрей сам сказал, – ответил Незванов. – Я не знал, что это страшный секрет.

– Зато я знала! Никому ничего плохого не сделала. Только хорошее. Не тебе меня судить. Пошел вон отсюда! Прочь, говорю!

Стас попытался урезонить разбушевавшуюся пенсионерку, но она стала защищаться, ткнула в его сторону локтем.

Гуров поднялся со стула.

– Спасибо, Светлана Ильинична. Вы нам очень помогли, – вежливым тоном произнес он и медленно пошел в сторону калитки.

– До свидания, – равнодушно попрощался Незванов с хозяйкой дома и поплелся следом за Львом Ивановичем.

Крячко остался со Светланой Ильиничной наедине. Ему вдруг стало жаль ее, но он не знал, как именно ей помочь, а спрашивать побоялся.

– Вы уж извините нас, – пробормотал Станислав, встав со стула.

– Вы ничего не знаете обо мне, а уже в чем-то обвиняете, – с обидой в голосе сказала женщина.

– Никто вас ни в чем не обвиняет, – уверил ее Крячко. – Наоборот. Вы поделились с нами важной информацией.

Она отвернулась, ничего не сказала ему вслед.

В Москву они въехали затемно. День пролетел черным коршуном, сбил с ног, завертел, удивил и оставил после себя тяжелое послевкусие.

Гуров с сожалением подумал о том, что жене сможет позвонить только из дома. Сейчас никак. Рядом Стас и Незванов, черт его дерит. Мария живо вернула бы мужа в состояние привычной уверенности в себе, навела бы в его душе порядок и покой. Она умела это делать. Особенно в те моменты, когда обстоятельства разбрасывали их в разные стороны. Где бы жена ни находилась, все равно у него было четкое ощущение спокойствия.

Конечно, он волновался за нее, хотел знать о ней как можно больше. Они поболтали бы об осеннем Берлине. Маша сбросила бы ему фотографии, сделанные на фоне чего-то древнего и всемирно известного, пожаловалась бы на кого-то из коллег, а потом сама смеялась бы над собой.

А вот о чем рассказал бы ей Гуров? О том, что пил водку с начальством, а потом они со Стасом заметили, что за ними следят? И кто? Тот самый тип, кого Машин любимый муж собственноручно определил на нары. Дальше было еще круче. Стас переехал к Гурову, а на другой день они обнаружили труп бывшего заключенного с простреленной башкой. Вот такое начало отпуска, любезнейшая супруга. Еще какой-то ремонт был запланирован, кажется.

Сыщик провалился в свои мысли, обдумывал все то, что услышал от Светланы Ильиничны. Полтора миллиона рублей – сравнительно небольшая сумма для того человека, который

промышлял уголовщиной, жил за счет сбыта краденого. Кудесник предчувствовал неудачу. Знал, что скоро сказка кончится, и подстраховался.

Получается, что деньги он отдал Светлане Ильиничне на хранение, не дав при этом никаких указаний. Она решила оплачивать из них его жилище, потом еще и доплачивала из своего кармана.

С одной стороны, соседка делала благородное дело. С другой – Кудесник вернулся домой абсолютно нищим, но не остался при этом на улице.

Почему Светлана Ильинична не захотела назвать сумму, оставленную ей соседом, так яростно отреагировала на слова Незванова про чужие деньги? Не потому ли, что за дом Кудесника она заплатила гораздо меньше, чем полтора миллиона, а остальное оставила себе?

– Артем, кем работала Светлана Ильинична? – спросил Гуров.

– Обмолвилась как-то, что тридцать с лишним лет простояла за прилавком в продуктовом магазине, – ответил Незванов.

– А муж?

– Муж давно умер, она одна сына поднимала.

«Значит, большие деньги вряд ли видела в течение всей своей жизни, – подумал сыщик Гуров. – И тут вдруг такие бабки свалились. Она могла присвоить миллион Кудесника, прекрасно знала, что он вряд ли попросит у нее счета за дом. Если этот тип и узнал бы, что она его обманула, то вряд ли пошел бы в полицию».

Незванов, как выяснилось, думал точно так же.

– Наверное, она часть из этой суммы попросту украла, – предположил он. – Вон как на меня вызверилась. Я чуть сознание не потерял.

– Дело прошлое, – философски заметил Стас. – Меня другой вопрос интересует. Не знал ли убийца Кудесника об этих деньгах? Может быть, за ними он и приходил?

– Или она приходила, – заявил Гуров.

– Тоже вариант, – согласился Стас с этим предположением лучшего друга, неожиданно для Незванова ткнул пальцем в лобовое стекло и сказал: – Тормозни здесь. Лева, мы почти дома, дойдем пешком. А холодильник пустой. Давай на ужин что-нибудь вредное сообразим. С пивком, а?

Артем Незванов безропотно притормозил возле «Пятерочки», пожал сыщикам руки и уехал.

Генерал-лейтенант Орлов окинул Льва Ивановича Гурова недобрый взглядом. Тот никак не отреагировал на это, прикрыл за собой дверь, подошел к окну и приготовился к выволочке. Уж если огребать, так лучше стоя.

– Смотрю, ты за выходные постройнел, приобрел бронзовый загар, – заметил Орлов.

– И тебе доброго понедельника, Петр Николаевич.

Орлов отодвинул документы, указал рукой на стул.

Гуров отрицательно покачал головой и сказал:

– Я у окошка, если позволишь. У тебя тут слишком жарко. Включил бы кондиционер, что ли. Дышать нечем.

– Ты обо мне не беспокойся, – заявил Орлов. – Я уж как-нибудь перебыюсь.

– Ну смотри. Мое дело предложить.

Гуров нарочно тянул время. Шеф и до его появления пребывал в плохом настроении. Еще бы! На улице снова жара, будто бы сейчас середина июля, а не сентября. Жители Москвы так активно отдыхали, что в управление круглосуточно поступали все новые и новые молнии. Там кого-то пристрелили, тут деньги вымогают, здесь вообще море крови. Сводка происшествий за выходные напоминала обычные будни гангстерской Америки тридцатых годов. Выше-

стоящее начальство наверняка снова требует от генерал-лейтенанта невозможного, и это при том, что лучшие люди, то есть Гуров и Крячко, сейчас в отпуске.

– Ты куда успел вляпаться? – строго спросил Орлов.

– Не по своей воле, – сразу же заявил Лев Иванович. – Я же тебе еще по телефону сказал, что тут ни при чем.

– А кто же тогда при чем?

– А вот это я и хочу с тобой обсудить.

На объяснение этого момента у сыщика ушло пять минут. А вот на оправдание своих действий он потратил гораздо больше времени. Для полноты картины полковник в двух словах описал слаженные действия славной подмосковной полиции.

Он закончил свой монолог вполне обоснованной просьбой о помощи:

– То дело о банде находится в архиве. Я бы хотел вернуться к нему и вспомнить кое-что, но если идти привычным путем, то быстро сделать это не получится. У тебя в архиве все свои, Петр Николаевич. Будь другом, окажи содействие.

Орлов снял трубку стационарного телефона. Возражать Льву Ивановичу он даже не пытался, сразу понял, что дело серьезное.

– Но ты-то чего полез? – спросил генерал-лейтенант, прежде чем сделать звонок. – Это ведь вообще не твое дело.

– Я сперва тоже так думал, а потом вынужден был пересмотреть свою точку зрения, – ответил Гуров. – За один день столько всего произошло. Сам видишь, сначала Незванов, потом труп, а в итоге замаячили деньги. Незвестная подруга убитого тоже тот еще персонаж. Не могу я пройти мимо. Не просто так меня Незванов нашел. Чувствую, что нужно идти дальше.

– Так пусть районный отдел этим и занимается.

– Так они ведь только одно убийство себе взяли, – напомнил начальнику Гуров. – А вся суть именно у нас в архиве, Петр Николаевич. В том самом, куда ты все никак позвонить не можешь.

Орлов набрал номер, подождал ответа. Он сделал елейное лицо, попросил принести ему документы, сданные в утиль добрый десяток лет назад, услышал ответ и рассыпался в благодарностях. Только опустив трубку на рычаг, начальник главного управления уголовного розыска позволил себе снова сдвинуть брови. Правда, на этот раз по привычке.

– А я ведь их всех хорошо помню, Лева, – сказал он. – Один был совсем пацаном. Мелкий такой.

– Этот мелкий не сильно изменился, – проговорил Гуров. – Незванов его фамилия. А убили Горохова, он же Кудесник, гримером на киностудии работал. С ними были еще Немец и Байрон.

– Да, Байрон, – сказал Орлов. – Помотал он нам тогда нервы.

– Да, было дело. Ему и дали больше всех. Незванов сказал, что он серьезно болен.

– Ну так не на курорт отправился. Ох, помню, каким он умным был.

– Почему был?

– Потому что не от большого ума занимался всяким. – Генерал покрутил растопыренными пальцами.

– Да ладно тебе, – заявил Гуров. – Он был очень неплох в своем деле. Организацию процесса вспомни. Все тютелька в тютельку. Сплошной материальный ущерб, но ни одного нанесения телесных повреждений.

– Оправдываешь его?

– Восхищаюсь. Вообще-то, у таких персонажей, как этот Байрон, многому можно научиться, а потом взять на вооружение.

– Допустим. Но что ты конкретно хочешь найти?

Полковник забросил ногу на ногу и произнес:

– Кудесник рассказал перед смертью соседке, что планирует встретиться с давней подругой. При этом сильно нервничал. Незванову, позвонившему примерно в то же время, сказал, что не может разговаривать, потому что рядом с ним находится дама. Насколько я помню, десять лет назад среди свидетелей или подозреваемых по данному делу не было женщин. Все, кроме Байрона, были холостыми, и только у него имелись жена и дочь.

– Думаешь, кто-то из них опомнился и решил свести счеты с Кудесником? – спросил Орлов.

– Не исключаю такой вариант. Но, Петр Николаевич, я лучше пробью эту версию. Она подтвердится либо нет.

– А если он всего лишь выпить с ней хотел? Могли поссориться, а потом она его и пристрелила.

– Точно. Пришла она к нему в гости с огнестрельным оружием. Так?

Орлов не успел ответить. В дверь кто-то постучал. Симпатичная светловолосая девушка из архива аккуратно положила на стол толстую папку.

– Благодарю, – прогудел генерал-лейтенант.

– Не за что, – сказала девушка.

Гуров тотчас устроился за столом для совещаний, аккуратно разложил на нем все документы. Фотографии, прикрепленные к делу, он рассматривал очень внимательно, тут же вспомнил все и всех.

Сыщик задержал взгляд на любительском снимке. Андрей Горохов, разумеется, еще живой, Артем Незванов и Немец – широкоплечий бритоголовый парень с бычьей шеей. Они позировали на речном берегу, на фоне мангала с шашлыками. Эти разновозрастные, совершенно не похожие друг на друга люди были не просто бандой. Они дружили.

Главаря на снимке не было. Гуров вспомнил, что на этот счет сказал во время допроса Незванов, в квартире которого было обнаружено это фото.

– Байрон не любил, когда его фотографируют. Он всегда оставался за кадром.

До нужного адреса Льву Ивановичу пришлось добираться на метро. Так вышло, что он давненько не пользовался подземкой. У него не было такой необходимости. То служебный транспорт выручал, то личный. А сейчас, когда никто не контролировал его действия, ноги сами понесли сыщика в сторону станции метро «Цветной бульвар». Но он вышел из вагона раньше, чем следовало, решил часть пути проделать пешком.

Полковник двинулся по Кутузовскому проспекту в сторону центра. Он шел по нечетной стороне улицы, мимо новомодных магазинов, за витринами которых пряталось что-то безумно дорогое и стильное.

Дом, в который ему нужно было попасть, находился на противоположной стороне проспекта и выглядел солидно, даже мощно. В народе его прозвали брежневским. Гуров вспомнил, сколько вопросов возникло у него десять лет назад, при получении известия о том, по какому адресу проживал главарь банды Геннадий Александрович Левинский, который сам себя нарек Байроном.

Левинский всю свою сознательную жизнь увлекался Викторианской эпохой. Еще мальчишкой он перечитал о том времени все, что смог найти в домашней и школьной библиотеках. Постепенно границы его интересов стали конкретными. Это была сфера тогдашнего искусства.

Он выучился на реставратора и честно трудился на этой ниве двадцать лет. Постепенно Геннадий обрастал знакомствами и стал вхож в дома творческих людей, которые не только знали толк в картинах, статуях и иконах, но еще и обменивались ими с другими людьми.

Со временем Геннадий Александрович подустал. Рутинная работа порядком утомляла его, денег вечно не хватало, а зрение давно оставляло желать лучшего. Семья, состоящая из

супруги Валентины, учительницы младших классов, и дочери Марины, ощущалась Левинским как груз, но не мучающий, а довольно приятный.

Правда, здесь, как и во многих многолетних союзах, были свои особенности. К примеру, жена его никогда не была страстной женщиной. Геннадий Александрович жаловал разврат в постели, но из жалости к Валентине, вечно страдающей от плохого самочувствия, ни словом не обмолвился о том, чего на самом деле хочет. Он любил ее и на других женщин даже не поглядывал. Такое просто не приходило ему в голову.

Жили они спокойно и скучно, словно следовали какому-то плану, составленному раз и навсегда. Летом супруги обязательно брали совместный отпуск и отвозили дочь на море. Потом Левинский отправлял семью на дачу, доставшуюся ему по наследству. Одноэтажный маленький дом и крохотный огорожок занимали все внимание жены, дочь носилась по деревне с детьми других дачников, а муж и отец возвращался к делам.

Со временем он уволился из музея и стал брать работу на дом.

Дочери отец позволял все и с самого детства. Он как-то сразу понял, что больше детей у них с женой не будет, и Марина, появившись на свет, сразу же ступила на трон. Ей разрешалось абсолютно все и в любое время.

Странное дело, но девчонка все равно не избаловалась. В этом была заслуга ее матери. Педагогом Валентина была блестящим, умела вовремя и правильно расставить приоритеты. Поэтому Марина, купаясь в родительской любви и вседозволенности, с возрастом не превратилась в требовательного и равнодушного человека. Напротив, она отличалась душевностью, никогда ни на кого не повышала голос.

За это и за многое другое Левинский благодарил именно жену. Он вообще уважал ее за кроткий нрав и умение разбираться в людях. Именно она, заметив его усталость, предложила ему перебраться из пыльной мастерской в квартиру и заняться частным бизнесом.

Однажды Левинский был по знакомству приглашен на киностудию «Мосфильм» на празднование юбилея знаменитого актера. Исполнялось ему немало, жил он долго, немало повидал, со многими был знаком, в свои почтенные годы выглядел прекрасно. Реставратор наметанным взглядом определил количество килограммов грима, наложенного на его лицо, великолепно скрывавшего поплывшие черты лица и возрастные пятна на коже.

В какой-то момент он очутился один на один с именинником. Тот узнал, что гость оказался на его празднике практически случайно и вдруг очень этому обрадовался.

– Все они веселятся, но многие пришли, чтобы засветиться на фотографиях, которые утром попадут в газеты, – прошептал старик. – Половина из них не знает меня вообще. Я их тоже впервые вижу. Вот вы кто?

– Я такой же посторонний человек, – сказал Левинский. – Но фильмы с вашим участием смотрел. Самые первые были лучше остальных.

Актер восхищенно хлопнул в ладоши.

– Bravo! – заявил он. – Благодарю вас за честность. Все именно так и было. Позже я не мог играть так, как мне хотелось бы. Я устал, вымотался, погас. Но меня все равно приглашали на съемки в эпизоды, которые я уже и не помню. Мое звучное имя было особой приметой каждого нового фильма. Чертова жизнь со своей вечной ложью. А вы все-таки кто?

– Реставратор, – ответил Левинский.

– Что же вы реставрируете?

– Начинал с картин, а сейчас расширил поле деятельности. В основном это иконы. Изучаю ювелирное дело. Это мне тоже пригодится.

Актер взял Левинского под локоток и прижался к нему всем телом. Он был небольшого роста и походил на старого ребенка.

– Вас мне бог послал, – сказал юбиляр. – У меня дома есть кое-что ценное. Но время наложило на эту вещь свой отпечаток.

– Вам нужна моя консультация? – осведомился Левинский.

– Или помощь, – многозначительно проговорил актер.

– О чем идет речь?

– Браслет. Я приобрел его в Лондоне. Дело было в шестидесятых годах, и мне повезло. Я купил его в антикварном салоне.

В горле у Левинского пересохло.

– Насколько стар браслет? – спросил он.

– Начало двадцатого века. Но это официальная версия. Один знающий человек, которому я очень доверяю, отнес его к концу девятнадцатого столетия. Викторианская эпоха. Браслет очень красив. Золото с бирюзой.

– Что же с ним не так?

– Он потускнел. Еще мне хотелось бы проверить его на прочность.

Левинский задумался. Актер предлагал ему работу, о которой он даже не мечтал. С ювелирными изделиями мастер до того практически не имел дел, читал о них, изучал особенности реставрации, но, по сути, в этом отношении был самоучкой без практики.

Такой шанс он упустить не мог.

– Я бы посмотрел, – придав голосу небрежность, сказал Левинский.

– Спасибо! Дождемся, пока разойдутся гости, а потом я вас найду. Обсудим детали. Как мне к вам обращаться?

– Зовите меня Байроном.

Почему именно так? Левинский жаловал лишь ту поэзию, которая имела хоть какое-то отношение к Туманному Альбиону. Стихи лорда Байрона тут являлись самым настоящим идеалом. При этом Левинский не считал себя одержимым, прекрасно отдавал отчет всему, что делал и о чем мыслил.

– Прекрасное имя, – заявил актер и сжал его локоть. – Мы увидимся чуть позже. Не исчезайте, пожалуйста. Мне вас сам бог послал.

Он вернулся к гостям, а Левинский остался стоять возле столика с напитками, где и произошла знаменательная встреча. Рядом никого не было, и он спокойно подлил в свой бокал вина. Если уж халява, то почему ее должно быть мало? Что-то здесь не видно было того человека, который контролировал бы этот процесс.

Молодой высокий парень неслышно оказался рядом с ним, протянул руку через стол, ухватился за пивную бутылку. Левинский молча наблюдал за тем, как он скрутил железную крышечку и пил прямо из горлышка. Закончив с этим, молодой человек снова протянул руку, но теперь для того, чтобы познакомиться.

– Андрей, – представился он.

– Байрон, – назвал себя Левинский и пожал его руку.

– Звучит! – заявил новый знакомый. – Я тебя тут не видел раньше. Ты из массовой или из прессы?

– Я сам по себе.

Андрей холодно улыбнулся.

– Ну и не говори. Мне это не так уж и важно. Про себя скажу, что я имею некоторое отношение к искусству.

– Да ну?

– Превращаю людей в богов.

Левинскому было плевать на нового знакомого. Он его совершенно не заинтересовал. Сейчас мысли реставратора крутились вокруг предложения, которое ему сделал именинник.

Браслет Викторианской эпохи! Кто бы сомневался в том, что такая роскошь никогда не будет принадлежать ему. Но бог с ним. Он просто подержит ее в руках, рассмотрит, если сумеет, то вылечит и на всю жизнь запомнит этот момент.

– Ты хоть фамилию его знаешь? – насмешливо спросил Андрей и указал бутылкой в сторону гостей, многие из которых уже с трудом стояли на ногах.

– Знаю.

Это утверждение было ложью. Левинский не помнил ни имени, ни фамилии. Про ранние фильмы он тоже вспомнил с трудом и, как оказалось, этим и покорило уставшее сердце героя праздника.

– Врешь, – легко угадал Андрей. – А из гостей кого-нибудь узнаешь?

Левинский всмотрелся в толпу. Кого-то он точно раньше видел. Но вот где и в каком качестве?

– Понятно, – заявил Андрей. – Я помогу. Тетка в розовом пиджаке работает ведущей кулинарного шоу. Мужик, который рядом с ней, трудится спортивным комментатором. Из артистической среды здесь присутствует с десяток человек, но их почти никто не помнит, потому что они мало снимались в кино. Возле стены парень с мобильником. Он продюсер. Рядом с ним участница шоу талантов. Сейчас она певица. Кстати, выбыла из конкурса, но сольник потом записала. Остальных тебе знать не обязательно. Здесь уже не юбилей, а обычная пьянка. Актер, который с тобой общался, давно и даром никому не нужен, но руководство киностудии обязано сохранить свой благородный фейс. Завтра они забудут про этого деда.

– А ты кто для него? Самый родной человек? – спросил Левинский.

Андрей не обиделся.

– Не поверишь, но да, так оно и есть. Я один из тех, кто все еще спрашивает у него про боли в боку и про то, как он спал ночью. Его никто не может отсюда пнуть, у него бессрочный пропуск на территорию. Приходит почти каждый день, суется во все павильоны, забредает к начальству. Оно с ним болтает, но недолго: «Дела, вы уж извините. Непременно приходите еще. Мы вас помним, мы вам рады». Тошнит от такого, но старик-то верит или делает соответствующий вид, приходит снова и снова. Никому не нужный, очень несчастный человек.

Левинский старался не вникать в то, что слышал. Все это ему было ни к чему. Главное сейчас – не потерять из вида подвыпившего именинника, а потом отправиться к нему домой.

В голове Левинского оформилась шальная мысль:

«А если я попрошу его продать мне этот браслет? Я нашел бы деньги, конечно, если цена будет не запредельной. Занял бы у бывших коллег, поговорил с женой, взял бы кредит в банке, в конце концов».

Андрея он слушал вполуха, не сводил глаз с гостей, танцующих под «Катюшу», всем своим видом показывая, что не намерен вступать в диалог.

– Я слышал ваш разговор, – негромко сказал новый знакомый.

– Да? – удивился Левинский. – Я тебя не заметил.

– А я взял и пришел, но вы настолько сильно были увлечены друг другом, что не обратили на меня никакого внимания.

– Ну и что? Слышал, ну и ладно, – пробормотал Левинский.

Андрей обошел стол, остановился рядом с ним и проговорил:

– У него дома целый склад. Там есть не только браслеты. Ты разбираешься в таких штуках?

– Что ты имеешь в виду? – Левинский заметно растерялся.

– У деда нет никаких наследников. Это значит, что все его имущество получит государство, которому наплевать на настоящую красоту.

– Ты мне что, убить его предлагаешь? – не поверил своим ушам Левинский.

– Ты совсем дурак? – Андрей отодвинулся от него. – Когда я об этом говорил?

– Да вот только что.

– Не ври, – заявил парень. – Я вообще только что тут оказался. А тебе надо бы поменьше пить.

Он в один глоток добил пиво, всучил пустую бутылку в руку Левинскому и расслабленной походкой пошел к гостям. Они его тут же заметили. Андрей радостно распростер руки, наклонился к пожилой даме, всмотрелся в лицо, после чего осторожно провел пальцем по ее лбу. Потом еще раз и еще. Женщина прикрыла глаза от удовольствия.

Левинский почувствовал прилив тошноты. То, что он увидел и услышал здесь и сейчас, встало у него поперек горла.

Он наплевал на браслет, который минуту назад воцелил, и пошел к выходу. Музыка и радостные вопли остались у него за спиной. Наконец Геннадий оказался на воздухе и с облегчением подумал, что чуть было не согласился сейчас на что-то до жути нехорошее.

Он достал сигареты, закурил и поднял взгляд в ночное летнее небо. Ему хотелось, чтобы с каждой затяжкой кошек, скребущих на душе, становилось меньше, но облегчение не наступало. Он понял, насколько мерзок этот мир и все те люди, которые в нем обитают. Байроном назвался, надо же! Слюни распустил, тварь!

Этот старик с тонной тонального крема на лице, воняющий каким-то сладким воском, был теперь омерзителен ему до глубины души. Мутный хлыщ, почти открыто предложивший Левинскому пойти на преступление – а на что же еще? – попросту испугал его.

Он бросил не затушенную сигарету в урну. В крови у него гулял алкоголь. Геннадий не сразу понял, что может устроить пожар, наклонился над урной и попытался вынуть оттуда окурок, но только обжег пальцы.

Все случилось само собой. Левинского все-таки стошнило. Он некоторое время постоял, согнувшись, и лишь потом побрел прочь.

Андрей догнал его на автобусной остановке. Левинский был не в самом лучшем настроении, увидел гримера, спешащего к нему, и проклял все на свете.

– Пойдем обратно, – задыхаясь после бега, сказал Андрей.

– Какого черта?

– Дед уже с ног сбился. Как только ты свалил, он ринулся на поиски, а тебя уже нет. Чуть не плачет. Слезно попросил вернуться.

– Перебьется, – ответил Левинский и сплюнул себе под ноги.

Андрей посмотрел на асфальт и сказал:

– Слушай, я, может, не то ляпнул, но дед-то тут при чем?

– Ты ляпнул именно то, что было в твоей голове, – произнес Левинский. – Пошел вон!

Парень снова совершенно спокойно отреагировал на его слова.

– На меня можешь обижаться бесконечно, но прошу как человека, – сказал он. – Дед добрый, щедрый и очень одинокий. Помоги ему с этим чертовым браслетом. Он носит с ним как ребенок с игрушкой. Думаешь, ты первый, к кому этот старикашка подошел? Да он у половины киностудии спрашивал про починку. Да только вот нет у нас никого, кто мог бы этим заняться. А тут ты подвернулся.

– Пойду лишь в том случае, если ты объяснишь мне, зачем заговорил о том, что у него дома полно ценных вещей, – заявил Левинский и тяжело посмотрел на Андрея.

– Думай, что хочешь. Но я ведь правду сказал. Дед не вечен. Кому он все это оставит? Не мне же? Вдовец, друзья такие же старые. Разживется государство на несколько лимонов. Положив руку на сердце, признаюсь, что мне такой расклад не особенно нравится. Уж лучше потихонечку забрать себе пару вещей и продать тем людям, которые знают в этом толк. Дед не заметит, потому что не помнит даже о том, что ему жить осталось совсем чуть-чуть. Это не воровство, а спасение национального достояния.

– От кого?

– От тех персон, которые захотят урвать наследство, но в глаза не видели покойника.

– Нет, не пойду, – сказал Левинский.

– Ну и дурак, – злобно бросил ему Андрей и быстрым шагом пошел обратно.

Тут Левинского словно кто-то мешком по башке жахнул.

«Кому актеры оставляют свое барахло? Много ли я об этом знаю? Не раз слышал в новостях об очередной утрате в мире кинематографа. Зачастую уже после смерти выяснялось, что покойник был одинок как пень, а весь клан его наследников оказывался сборищем негодяев, брызжащих слюной. Они претендовали на квартиры, дачи, машины, на многое другое, но никто их никогда в глаза не видел. – Левинский достал сигарету, закурил и посмотрел вслед удаляющемуся Андрею. – Всегда можно передумать, – решил он. – Да и не случилось пока ничего».

– Стой! – крикнул Геннадий и медленно пошел в сторону киностудии.

Глава 4

– Слушаю вас, – донесся женский голос из динамика домофона.
– Это Лев Гуров, уголовный розыск, – представился сыщик. – Мы с вами созванивались. Вместо ответа раздался противный писк, указывавший на то, что дверь подъезда открылась.

Марина Левинская жила на седьмом этаже. Гостя, появившегося из лифта, она встретила лично, стояла в дверях квартиры и ждала его.

– Проходите, – сказала хозяйка квартиры, переступая порог.

– Благодарю.

– Не разувайтесь, у нас нет ковров.

Семья Левинских долгое время жила возле станции метро «Водный стадион», но за несколько лет до ареста Геннадия переехала. Гуров, освежая память путем перебирания архивных материалов, вспомнил, что обыск производился не только по новому месту жительства, но и по прежнему адресу. Ту квартиру на «Водном стадионе» отец намеревался оставить дочери, но пока она ей была не нужна. Поэтому жилплощадь сдавалась приличным людям, а Левинские в полном составе выбрали довольно серьезное место для проживания. Это был знаменитый брежневский дом, расположенный на Кутузовском проспекте.

Полковник был уверен в том, что после ареста Байрона его жена приложит все усилия, чтобы продать хотя бы одну квартиру из двух. Ведь ее финансовая ситуация на тот момент была крайне сложной. При обыске из двух домов была конфискована целая тонна ценных вещей, банковские счета оказались арестованы. Матери и дочери нужно было как-то выживать.

Дальнейшую судьбу квартир Гуров уже не отслеживал, но считал, что с молотка уйдет именно жилье, находящееся в брежневском доме. Квартиры в этом здании, известном всем москвичам и гостям столицы, стоили огромных денег.

Поэтому сыщик был очень удивлен, когда узнал, что дочь Байрона Марина Левинская до сих пор проживает именно на Кутузовском проспекте.

Она отступила в прихожую, пропуская его внутрь.

На вид ей было около тридцати лет, и она совсем не походила на отца. Вероятно, в ней было больше от матери, которую Гуров если и видел, то практически не запомнил. При виде этой высокой, статной, кареглазой женщины с выраженной талией, но полными бедрами, Лев Иванович почему-то подумал о черешне, которую очень уважал.

Она проводила его в просторную комнату и жестом пригласила расположиться на черном кожаном диване. Сама же Марина осталась поодаль, присела на подоконник.

– Не пойму, как вам это удалось, – заявил Гуров и разбросал руки в разные стороны. – Скажите, где раздают деньжищи, позволяющие содержать эдакую красоту? Я тоже туда хочу.

Марина и не думала отвечать на шутку.

– Простите. – Сыщик смутился. – Это я от зависти ум потерял.

– Но честь и совесть остались, надеюсь, – холодно произнесла Марина. – Да, квартира обходится недешево. Но мой бывший муж работает в министерстве иностранных дел. Его папа и дедушка трудились там же. Обеспеченная семья, знаете ли. Не побрезговали связаться с дочерью уголовника и вора. Может быть, потому, что сами были в чем-то замешаны. Не могу сказать точно. Эту квартиру папа все равно оставил бы мне, а сам уехал бы вместе с мамой на «Водный стадион». Они всегда отдавали мне то, что лучше, а себе забирали то, что подешевле. Кстати сказать, я эту квартиру недавно отстояла в суде. Бывший муж хотел выселить отсюда свою дочь.

– Свою дочь? – не понял Гуров.

– Нашу общую дочь. Хотел ударить по больному месту, но не на ту попал. Теперь мы с дочкой гордо носим фамилию Левинских. Нас никто отсюда не выгонит.

– Сколько же ей лет?

– Дочери? Карине четыре года. Она сейчас в детском саду.

– А квартиру на «Водном» вы продали, значит, – осведомился Лев Иванович.

– Да, сразу же после того, как все случилось, – ответила Марина. – Были нужны деньги. А почему вы спрашиваете?

– Нет, все в порядке. Это ваше личное дело. Я там бывал. Думал, поеду по старому адресу.

– А я вас запомнила. В той квартире вы тоже делали обыск, только выглядели тогда посвежее.

Гуров всмотрелся в лицо молодой женщины, но вспомнить ее так и не смог. Понятное дело, десять лет назад они оба выглядели совсем по-другому. Ей было тогда что-то в районе двадцати лет. Разумеется, встречу с сыщиком Марина не могла забыть. Такое из памяти не выветривается. А вот для него обыск давным-давно стал самым обычным делом.

– Ну что же, давайте к сути, – сказала Марина. – Теряюсь в догадках. Зачем я вам понадобилась? Папа в тюрьме, мамы нет в живых. Чем я-то могу вам помочь теперь?

– Мамы нет в живых, – эхом повторил полковник. – Мне жаль.

– Не думаю, – заявила женщина. – До нас никому не было дела. Я хоронила ее одна.

– Простите.

– За что? – Марина улыбнулась одними губами. – За то, что вы снова напомнили мне о прошлом? Не надо себя винить, это ваша работа.

– Марина, прошлое само напомнило о себе. – Лев Иванович достал из кармана старую фотографию, прихваченную из закрытого уголовного дела. – Взгляните, пожалуйста.

Марина подошла к дивану, взяла фото и вернулась к окну. По тому, как она щурилась, Гуров понял, что у нее плохое зрение. Но об очках женщина не вспомнила.

– Я уже видела этот снимок, – сказала Марина. – Его показывали мне во время допроса. Я тогда сказала, что не знаю этих людей.

– Вам объяснили, кто они?

– Не помню. Кажется, эти люди имели отношение к тому, чем занимался папа. То ли вместе с ним ходили на дело, то ли еще как-то участвовали. – Она подошла к Гурову и хотела отдать ему снимок, но он покачал головой и сказал:

– Присядьте, пожалуйста.

Марина послушно опустилась на диван.

– Я расскажу вам, – произнес полковник. – Это члены банды, которой руководил ваш отец. самого его на снимке нет, как видите.

– Да, он очень не любил фотографироваться, – едва слышно проговорила Марина.

– Я в курсе. Теперь о тех людях, которые на фото. Справа Семен Штейнберг по кличке Немец. Он уже вышел из тюрьмы. Слева стоит Артем Незванов, самый молодой член банды. Он теперь тоже на свободе. В центре Андрей Горохов, который называл себя Кудесником. На этом фото он еще жив.

Марина внимательно слушала рассказ Гурова, взгляда не поднимала. Со стороны она была похожа на школьницу, которую отчитывает директор.

– Андрей Горохов был убит выстрелом в голову, – с нажимом произнес Гуров. – Случилось это несколько дней назад. Тело обнаружил я. Навел меня на него именно Незванов. Напомню, на снимке он слева.

Марина настойчиво ткнула фотографией в руку Гурова.

– Возьмите.

– Марина, я не просто так пришел вас навестить.

– Так скажите уже, по какой причине. – Она вскинула на гостя глаза, полные слез. – Зачем вы мучаете меня?

– Я не закончил. Знаете, ведь был шанс, что вы вспомните этих людей. Но такого не случилось. Просто десять лет назад вы были не в себе и могли что-то забыть.

– Да зачем вам знать, помню я их или нет?

– Теперь я уверен, что не помните. Ладно. Мне стало известно, что незадолго до смерти Кудесник должен был встретиться со своей знакомой. Они общались очень давно. Кто она, как выглядит – никто не знает. Сам он не стал вдаваться в подробности, просто сообщил Незванову по телефону о том, что встреча состоялась.

Марина обхватила себя за плечи.

– Потом его убили. Я права?

– Именно так. Возможно, та женщина последней видела его живым. Не факт, что она убила Кудесника, но исключать я этого не могу.

– Но от меня-то вы что хотите? – осведомилась Марина.

– Вы не встречались с ним?

Женщина распахнула глаза, и без того огромные.

– Я же сказала, что никогда не видела его. Да и всех других тоже. Никогда. Ни до, ни после. Зачем мне это?

– На этот счет у меня имеется целая куча версий. Ваш отец мог что-то спрятать перед арестом у Кудесника. К примеру, он предполагал, что получит меньший срок и освободится раньше, потом вернется и заберет у знакомого то, что там оставил. Сегодня вы решили потребовать от Кудесника то, что принадлежало вашему отцу.

– Вы больны! – заявила Марина и презрительно скривила губы. – Вам надо к врачу.

– Пожалуй, нет. На службе нас проверяют постоянно.

Марина опустила лицо в ладони.

Гуров спрятал фотографию в карман рубашки.

– Я ни с кем не встречалась и никуда не ездила, – сдавленно сказала женщина и подняла голову.

– Я все-таки полковник полиции, а не псих с осенним обострением. Мне хотелось бы знать, где вы были на прошлой неделе, Марина. Это крайне важно для вас.

Женщина встала, вышла из комнаты, скоро вернулась, бросила на колени Гурову потрепанный блокнот и проговорила:

– Если вы не в курсе, то скажу, что я работаю дома. Репетитором. Я, как и мама, окончила педагогический. Готовлю малышей к школе, подтягиваю тех, кто уже учится. В блокноте расписание занятий и контакты родителей моих учеников. Загляните, проверьте нужные даты, позвоните папе или маме каждого ученика. Они вам скажут, где я была и что делала.

Гуров открыл блокнот. Листы были заполнены табличками, нарисованными от руки, усыпаны фамилиями и телефонными номерами.

– Разберетесь? – спросила Марина.

Гуров поднял голову.

Женщина возвышалась над ним подобно демону, восставшему из преисподней. От сладкой черешни не осталось и следа. Крупная, с рельефной фигурой, она напоминала опасное для жизни воплощение, перед которым непременно нужно было держать ответ.

– Разберусь, – ответил Гуров. – Могу сделать это даже сейчас, не забирая блокнот.

– Дело ваше, – заявила Марина и вышла из комнаты.

Она не вернулась ни через минуту, ни через пять. Где-то в глубине квартиры послышалась возня. Там что-то обо что-то стукнуло, зазвенело.

Гуров не был знаком с планировкой этого жилья, но решил не испытывать судьбу. Даже если Марина в данный момент точит мачете, чтобы отрубить ему голову, то и пусть ее. Профессиональные заботы важнее.

Сыщик обзвонил всех родителей, которые навещали Марину в даты, подходящие под убийство. Он притворялся растерянным отцом маленькой дочери, напропалую врал, рассказывал сказку о том, что знакомые знакомых посоветовали ему репетитора. Вот ему и надо узнать всю правду про Марину Геннадьевну. Какая она? Как обращается с детьми? А с родителями? Обучает только у себя дома? Когда вы у нее в последний раз были? Во сколько? Она занятия не отменяла и не переносила? Ой, какая ответственная, надо же!

У Марины было железобетонное алиби.

Помахивая блокнотом, он решил отправиться в путешествие по квартире в поисках ее хозяйки. Ну не кричать же ей, в самом-то деле.

Она была на кухне, оказавшейся огромной. Панели из темного дерева, бледно-желтые занавески на окнах и льняное платье Марины словно были украдены из некоей старой рекламы. В этой кухне было мало новомодной техники, на полу лежал потертый линолеум, а обеденный стол давно был снят с производства на мебельной фабрике. Похоже было на то, что Марина совсем не купалась в деньгах.

– Благодарю вас, – сказал Гуров и аккуратно положил блокнот на край стола. – В связи со сложившимися обстоятельствами я должен был все проверить.

Марина сняла с конфорки кастрюльку, бросила прихватки на стол и заявила:

– Я рада.

– Чему именно?

– Тому, что вы теперь обо мне знаете.

Звук открывшейся двери заставил сыщика вытянуть шею и всмотреться в темноту коридора. Через секунду, шлепая по полу сандалиями, в кухню влетела маленькая девочка. Увидев Гурова, она остановилась как вкопанная и спрятала руки за спину.

– Ты же только с улицы! – повысила голос Марина. – А ну-ка!.. – Она вывела дочь обратно в коридор, вероятно, в ванную.

Но Карина пришла не одна. На кухне появилась женщина. Лев Иванович поначалу узрел перед собой совершенство и только потом рассмотрел на ее лице толстый слой косметики. С каждой секундой он убеждался в том, что первый взгляд не всегда бывает самым верным. Женщина была не так молода и свежа, как ей хотелось бы. Она сохранила фигуру и, вероятно, даже свои родные зубы, но количество прожитых лет и сила земного притяжения были не на ее стороне. Волосы, окрашенные в черный цвет, алая помада и молодежный джинсовый комбинезон скорее подчеркивали тщетность бытия нежели природную красоту незнакомки.

«Вот черт! – подумал Гуров. – А как все хорошо начиналось».

Женщина заинтересованно посмотрела на него.

– Марина, я могу идти? – крикнула она.

– Да, Рая! – донеслось из ванной комнаты. – Спасибо вам. До завтра.

Женщина вышла в коридор, погремела там ключами и покинула дом.

Полковник не мог уйти просто так и решил дожидаться возвращения хозяйки.

Марина появилась очень скоро, ведя за руку дочь. Девчушка на этот раз зашла на кухню уже не так смело. Она видела Гурова впервые и, конечно же, не знала, чего от него ждать.

– Ты голодная? – спросила Марина у дочери.

Девочка отрицательно покачала головой.

– Может быть, чай с печеньем?

Ответом на это была та же реакция.

– Ну тогда иди пока в свою комнату, хорошо? – сказала дочери Марина. – Я скоро приду.

Карина не сводила глаз с гостя.

- Меня зовут Лев, – сказал Гуров, обращаясь к ней.
- Вам совсем не обязательно было называть свое имя, – заметила Марина.
- Какой лев? – с удивлением спросила девочка.

Гуров не знал, как ответить на этот вопрос. Действительно, какой? Сказать, что самый настоящий? Вранье. Ребенок видит перед собой человека, а не царя зверей. Объяснить, что люди носят разные имена, и Лев – это еще цветочки по сравнению с каким-нибудь Евлампием? Рановато для ее понимания.

– Лев – это мое имя, – ответил Гуров. – Лев Иванович. Как видишь, все вместе звучит не так уж и удивительно.

- А я Карина, – выдала девочка.
- Да, я уже знаю. Твоя мама мне рассказала.
- А ты кто?
- Я пришел в гости.
- Так, иди к себе, радость моя, – оборвала милую беседу Марина.

Карине явно не хотелось уходить, но так как от чая с печеньем она уже отказалась, то выбора у нее не было.

Марина проводила дочку строгим взглядом и повернулась к Гурову.

– Извините, я не хотел, – сказал он. – Не знал, что в вашем доме не принято болтать с детьми.

– В моем доме принято болтать с каждым, но вы здесь человек чужой, – ответила на это Марина. – У вас больше нет ко мне вопросов?

- На данный момент нет.
- Не смею задерживать. – Она гордо вскинула голову.

Да, Марина Левинская производила сильное впечатление. Ее ученики наверняка притворялись больными, если не успевали сделать домашнее задание. Строгая учительница – суровое испытание для детской психики.

– Марина, я рассказал вам об убийстве не просто так. Сейчас расследованием занимаются другие люди, но именно мне десять лет назад пришлось задерживать банду, лидером которой был ваш отец. Поэтому ответственность за случившееся в какой-то мере лежит и на моей особе. Мотивы убийства до сих пор не ясны. Я счел своим долгом не только сообщить вам о нем...

- Но и ясно дать мне понять, что подозреваете меня, да? – перебила его Марина.
- Разумеется, полиция будет проверять каждого человека, который имеет то или иное отношение к давней истории. Поймите, это наша обязанность. Никаких обид тут быть не должно. Вы преступник либо нет. Третьего не дано.

- Понимаю. Меня вы проверили. У вас все?
- Не совсем, – ответил сыщик. – Еще я попрошу вас кое-что для меня сделать.
- Да вы с ума сошли! – заявила Марина.

– Будьте осторожны. Если заметите что-то подозрительное, странное, непонятное, какие-то просьбы, встречи, звонки, в общем, то, что вас насторожит или заставит волноваться, пожалуйста, тут же сообщите об этом мне. Ваш номер я сохраню, вы мой тоже не удаляйте.

Марина сделала вид, что колеблется, но Гуров знал, что она все поняла правильно. Эта женщина и номер сохранит, и будет бдительной. Сейчас она просто ломала комедию лишь потому, что Гуров ей не нравился. Не как личность. Он заставил ее вспомнить неприятное прошлое. А еще потому, что Марина находилась в своем доме. В управлении она вела бы себя иначе.

- Папа болен, – вдруг сказала Марина. – Совсем плох, если честно.
- Это он сказал?

– Врач. – Марина опустила голову. – Он потом передал трубку папе. Тот говорил тихо, я и не запомнила ничего. Все так неожиданно. Разревелась. Я... вы... – Она глубоко вздохнула и подняла лицо к потолку.

В глазах ее опять стояли слезы.

– Мне жаль, – произнес Гуров. – Как бы издевательски для вас это ни прозвучало. Но уж поверьте, пожалуйста.

– Я навестила его всего два раза. Карину на то время забирала подруга, а потом у нее свой малыш родился. Но сейчас добрая душа Раиса Павловна выручает и помогает.

– Это та звезда Голливуда, которая привела Карину из детского сада?

Марина против воли улыбнулась.

– Как вы точно подметили. Когда я ее увидела впервые, то подумала о том же самом. Чудно, что теперь у меня есть помощница. Хорошая такая. Она искала репетитора своему племяннику, но его родители справились быстрее. Встреча со мной уже была запланирована, поэтому Раиса Павловна позвонила, чтобы ее отменить. Разговорились, то да се. Она, оказывается, экскурсовод в Третьяковской галерее, но ей трудно там. Выяснилось, что она хочет уволиться, ищет подработку, и мы тут же договорились. Теперь вот помогает мне уже два месяца, забирает Карину из сада, водит ее в кино. Дочка ее любит, между ними сложились чудесные отношения. Знаете, если я поеду к папе, то не потащу с собой дочь. Она останется с Раисой Павловной.

– А почему не хотите своему отцу внучку показать? – спросил Гуров.

– Я ему фото привезу, – сказала Марина и покачала головой. – Но дочь с собой не возьму. Карина не даст нам поговорить, да и смотреть на все это ей не нужно. Извините, но нет. Поеду одна.

Гуров промолчал. Вот оно что. Вот почему Марина вся в броне. У нее ворох проблем, умирающий отец. Появление сыщика она восприняла недобро. Но, увы, ни сам сыщик, ни эта женщина изменить ничего не могли.

– Спасибо вам, Марина, – сказал Гуров. – Вот сейчас мне действительно нужно идти. Закройте за мной дверь, пожалуйста. Боюсь, знаете ли, общаться с чужими замками. Вечно кажется, что сделаю что-то не так.

Возле подъезда полковник на минуту задержался, решил позвонить Незванову и узнать, как у него дела. Марина не имела никакого отношения к смерти Кудесника. Вот и отлично. Пусть Незванов напряжет извилины еще раз и попробует вспомнить о таинственной подруге Кудесника. Все-таки эти мужчины были из одной группировки, общались и после отсидки. Незванов мог о чем-то забыть или не придать чему-то внимания. Сейчас было очень важно, чтобы он по крупинкам собрал и изложил все, что происходило с его другом.

На вызов Незванов ответил сразу, но разговаривать не смог.

– Подожди, Лев Иванович, я перезвоню, – сказал он и сделал это буквально через пару минут, не заставил Гурова томиться в ожидании. – Ты набрал мой номер как раз в тот момент, когда я над багажником стоял. Привез заказ клиенту.

– Ну а теперь-то ты свободен? – спросил сыщик.

– Да. Клиент все быстро забрал, даже проверять не стал.

– Чаевые дал?

– Дал немного. Я на это даже не рассчитывал.

– На сегодня у тебя все? – словно невзначай поинтересовался Гуров.

– Нет. Еще одна доставка. А что такое?

– Я вот что хотел, Артем, – наконец-то полковник приступил к сути дела. – Не хочешь ли ты навесить одного человека?

– Это кого еще? – с каким-то подозрением спросил Незванов.

– Своего давнего знакомого, – ответил Лев Иванович.

– Зачем?

По голосу этого типа было понятно, что он совсем не хочет навещать бывшего соратника. В принципе, Гуров не ожидал бурной радости в ответ на свою просьбу.

– Так надо, Артем.

Незванов молчал.

Гуров не торопил его, дал ему время подумать. При этом он точно знал, что этот субъект поедет туда, куда нужно, и станет делать то, что ему будет велено.

Из динамика был слышен весь спектр звуков, наполняющих любой мегаполис. Вот рядом с Незвановым проехал мотоцикл, раздались женские голоса и тут же стихли. Вдалеке непрерывно шумели под капотами десятки моторов.

Наконец Незванов очнулся.

– Сейчас? – спросил он.

– Да.

– Но у меня работа.

– После работы. Скажи куда, и я подъеду. Отправимся на тебе. Я сегодня без колес.

– Метро «Фили», – сообщил Незванов.

До этой станции Гурову было рукой подать. Он мог спокойно, не торопясь, дойти туда за полчаса.

– Устраивает, – сказал сыщик. – Когда тебя там ждать?

Встреча состоялась через час. К этому моменту Гуров успел прогуляться пешком, купить кофе и отдохнуть на парапете перед небольшим торговым центром.

Он был совершенно уверен в том, что Незванов не сбежит. На данный момент тот был чист, однако воспринимал Гурова как весьма влиятельную персону и понимал, что лучше сделать так, как он говорит, чем упираться.

«Вот и умница», – подумал Лев Иванович, заметив черный «Хендай», сворачивающий с основной дороги на парковку, устроенную рядом с автобусной остановкой, под знаком, ее же и запрещающим.

Гуров покачал головой и подавил улыбку.

«Не умеет наш народ читать знаки. Впрочем, место удобное. Я бы сам тут встал, если бы пришлось».

Он сел в машину и протянул Незванову руку.

Тот удивился, но на пожатие ответил и спросил:

– Куда едем?

– Навестим Немца, – сказал сыщик и осведомился: – Разве ты не догадался?

– Я предполагал.

– И не ошибся. Адрес знаешь?

Незванов взял в руки мобильник и проговорил:

– Я с ним давно не виделся. Созванивались редко. Может, его дома нет.

– Звонить будешь?

– Для начала отправлю сообщение, – пробормотал Незванов. – Если ответит, то созвонимся. У него работа суровая, он охранник в клубе. Во время работы на вызовы не отвечает. У них это запрещено.

– Вон как ты много о нем знаешь, – заметил Гуров. – Кстати, а почему не спрашиваешь про него? Неинтересно знать, зачем он мне нужен, и почему я прошу тебя поехать со мной?

Незванов насмешливо взглянул на Гурова и заявил:

– Ты меня, Лев Иванович, за круглого идиота не держи. Понимаю, что тебя так и клонит укусить меня побольнее, но лучше не надо.

– А то что? – полюбопытствовал полковник.

– Да просто я думал, что ты не такой как все, ноги о людей не вытираешь. Знал бы, не попросил бы помочь. Делаю ведь все так, как тебе угодно. Но нет, ты все равно хоть одну шпильку в мой адрес, не отпустишь.

Артем очень ошибался. Он совсем не знал Гурова, потому что общался с ним исключительно в деловом контексте. Их отношения в тандеме, состоящем из полицейского и преступника, никак нельзя было назвать дружескими, но даже при этом Лев Иванович не позволял себе проявлять высокомерие к Незванову.

Иногда он шутил, и его словечки почему-то больно задевали людей. Гуров знал за собой эту особенность, но редко мог угадать того человека, который не въедет в его юмор. Поэтому он говорил то, что думал, не слишком заботясь о чьей-то индивидуальной непереносимости субъективного смыслового значения того, что имел в виду. Похоже, Незванов был одним из таких людей. Или непростая жизнь на всякий случай заставила его обижаться на все, что плохо звучит.

– Давай-ка мы с тобой кое о чем договоримся сразу, Артем, – сказал Лев Иванович. – Если что-то в моих словах тебя задело, то ты это переживешь, да? Я всегда говорю тебе именно то, что считаю нужным, а издеваться над тобой у меня нет никакой причины. И без того дел полно. Не домисливай, крепче будешь спать. Договорились?

Незванов взглянул на экран телефона и проговорил:

– Он ответил. Сейчас на работе находится. Все равно поедем?

Гуров пристегнул ремень безопасности и распорядился:

– Едем, Артем.

«Хендай» выехал с незаконной парковки, принял вправо, легко вписался в неплотный ряд машин и покатил вперед. Вскоре по правую руку показался красивый старинный храм, прячущийся за стальной оградой. Краем глаза Гуров заметил, что Незванов быстро перекрестился.

Машина остановилась на перекрестке.

– Зачем тебе Немец, Лев Иванович? – наконец-то задал Артем правильный вопрос.

– Я думал, что ты не поинтересуешься, сам намекал тебе. Я сегодня был в гостях у одной очень красивой женщины, – проговорил полковник. – Возможно, ты даже ее видел. Сперва она была мне не рада, но после изменила свое отношение. Знаешь, почему так вышло? Да потому, что ей не с кем было поговорить об умирающем отце. А я подвернулся. По идее, она должна меня ненавидеть. Я засадил ее горячо любимого папашу в тюрьму, а ее мама скончалась. Но женщина уже выросла, родила дочь, работает репетитором, крутится, как уж может.

– Ради чего ты мне все это рассказываешь? – раздраженно спросил Незванов. – К чему ведешь?

– Дослушай, пожалуйста, – попросил его Гуров. – В темной истории с убийством Кудесника появилась загадочная дама, о которой ты почему-то сразу не вспомнил.

– Я говорил на допросе, что много чего забыл. Время прошло.

– Помню. Как и то, что десять лет назад никто из вашей бандитской стайки не упомянул ни одно женское имя.

– Ну и что? – повысил голос Незванов.

– И никто на ум не приходит?

– Да кто прийти-то должен? – слишком громко спросил Артем. – Ты думаешь, что я что-то скрываю? Да делать мне больше нечего. Никаких баб не помню. Ни одной. Да их с нами и не было! Мы вчетвером на дела ходили.

– Думай, Артем Петрович! – жестко произнес Гуров. – Вспомни, как говорится, все. Пока ты мозгуешь, я побеседую с Немцем. В это время ты будешь находиться рядом с нами. Вы в две головы вспоминать станете. Курить у тебя в машине можно?

– Нет! – рявкнул Незванов.

Гуров закрыл глаза и мысленно выругался.

«Хорошо, что бросил, – подумал он. – Плохо, что не забыл».

Их путь лежал в Марьино. Добираться туда им пришлось долго, и не только из-за пробок. Как назло, маршрут, который выбрал Артем, на всем протяжении был перекрыт ремонтными работами. На объездах тоже что-то постоянно задерживало машину.

На место они приехали к вечеру. Незванов сбавил ход, и черный автомобиль буквально плелся по дороге. Сам же он слишком часто крутил головой.

Гуров заподозрил неладное и спросил:

– Ты заблудился, что ли?

– Нет.

В скором времени он действительно стал себя вести вполне уверенно, рулил одной рукой, повернул во двор, прокатил между двумя высотками-свечками, остановился возле одной из них и сказал:

– Прибыли.

Гуров вышел из машины, осмотрелся и осведомился:

– А где же клуб?

– В подвале.

Вход в это заведение сразу можно было и не заметить. Он располагался сбоку от козырька подъезда. Невзрачная стальная дверь была выкрашена темно-зеленой масляной краской.

Гуров прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука.

– А жителям дома это заведение не мешает? Может, это только снаружи все тихо, а внутри стены ходуном ходят? – полюбопытствовал сыщик, заметив на скамейке, стоявшей возле подъезда, пару бабушек самого благодушного на свете вида, и тут же решил с ними поздороваться.

Они вежливо качнули головами ему в ответ.

– Нет, им точно не мешает, – сказал Гуров. – Иначе они уже набросились бы на меня.

Незванов подошел к зеленой створке и надавил на кнопку звонка. Дверь тотчас открылась.

«Отработанная реакция. Значит, где-то тут спрятаны камеры видеонаблюдения. Если бы я был в форме, то охранник вообще мог бы не открыть».

На пороге стоял самый настоящий амбал. На вид ему было лет тридцать. Он был высок и широк, лыс и краснолиц. Шея у него практически отсутствовала. Так карикатуристы изображают мужчин, которые предпочли умственному развитию физическое и не смогли остановиться, даже поняв свою ошибку.

Но Гуров знал, что внешность порой ничего не значит. Бугай, стоявший в проходе, вполне мог иметь докторскую степень по философии или быть самым классным в мире хирургом, который просто для разнообразия подрабатывает в клубе вышибалой.

Но вот одеждой парень совсем не выделялся. Белая футболка без какого-либо рисунка и потертые джинсы. Обыкновенный уличный прикид. И не скажешь, что этот человек сейчас решает твою судьбу.

Если Гуров застыл на месте, не зная как реагировать, то Незванов взял роль ведущего на себя. Он просто шагнул вперед, не сказав амбалу ни слова. Тот послушно подвинулся, пропустил вперед сначала его, а потом и сыщика.

– Здравствуйте, – сказал Гуров, проходя мимо.

– Добрый день, – вежливо ответил парень, выглянул на улицу и закрыл дверь.

На мгновение вокруг воцарился мрак, но продлился он не дольше секунды. Как только дверь была закрыта, в бункере вспыхнул свет. С потолка словно вылилась на стены серебряная

краска. Впереди обозначился узкий коридор, и Незванов, возглавлявший процессию, внезапно стал ниже ростом. Гуров понял, что он спускается по лестнице.

Она и привела их в зал.

Лев Иванович быстро оценил обстановку. Подвальное помещение было достаточно просторным, чтобы в нем спокойно уживались зона обслуживания и довольно большой танцпол с хрустальным шаром, медленно вращающимся под потолком. Стойка бара располагалась напротив лестницы, в другом конце зала. Как это принято в подземельях, освещение здесь было неярким, а музыка оказалась довольно приятной.

Незванов указал Гурову в сторону ближайшего столика и сказал:

– Я скоро. Поищу его.

– Жду.

К столику тут же подошла симпатичная официантка.

– Меню? – пропела она. – Или вы по делу?

– По делу, – ответил Гуров, уселся и забросил ногу на ногу. – Но от кофе не отказался бы.

– Какой именно предпочитаете?

– На ваш вкус.

Девушка замялась.

– У нас так не принято, – сказала она, не переставая улыбаться.

– Тогда чай. Черный.

– Какой сорт любите?

– Пиво. Светлое.

– У нас несколько видов.

– Вино? – Гуров от души веселился.

– Подать вам винную карту? – не отставала от него девушка.

– С минеральной водой, полагаю, будет та же история?

– Абсолютно та же самая, – твердо заявила официантка. – Но в этом случае выбор будет гораздо меньше.

Гуров хлопнул рукой по колену.

– Достаточно. Вы выиграли.

Девушка не уходила.

– Так что же брать будете? – как ни в чем не бывало спросила она.

Из-за ее спины появился Незванов, опустился на стул и сложил на столе руки будто школьник на уроке.

– Сейчас подойдет. Мы успели, у него смена заканчивается, – проговорил он.

– Куда успели? – спросил Гуров. – Сюда? Если не успели бы, то встретились бы с ним в другом месте.

– Не факт.

– Почему?

– Он человек непростой. Если не захочет, то ни слова не скажет. Может и озвереть ни с того ни с сего. Псих.

Официантка поняла, что никакого заказа не получит, и ушла.

Незванов бросил в ее спину равнодушный взгляд.

– Ты говорил, что у тебя семья, – сказал Гуров.

– И что? – Незванов насторожился.

– Просто спросил. Расскажи, что ли.

– Не буду я ничего рассказывать, – раздраженно проговорил Незванов. – Не хочу.

– Вроде бы и ребенок есть.

– У нее. Но как мой.

– Достойно, – оценил эти слова Гуров. – Так держать, Артем Петрович.

Незванов убрал руки под стол и пробурчал:

– Что, снова надо мной смеешься?

– Упаси боже. Никогда и не смеялся. Скажи-ка мне вот что. Если бы мы вас тогда не поймали, и ты до сих пор был бы шестеркой Байрона, то встретил бы женщину, с которой сейчас живешь? Нет, только представь, каково тебе было бы без нее.

Незванов смотрел на Гурова как бык на красную тряпку. Сыщику казалось, что тот сейчас рванется через стол, схватит его за грудки и от всей души пропишет кулаком по лицу.

– Успокойся, – посоветовал ему полковник. – Я же тебе еще по пути сюда сказал, что никто над тобой не смеется. У тебя нормальная жизнь.

Увы, сыщик его не убедил. Артема Незванова вообще трудно было склонить к взаимовыгодному сотрудничеству по-хорошему. Он не доверял никому, кроме, пожалуй, той самой женщины, которая не побоялась связаться с ним, меченым, и даже доверить ему своего ребенка.

Незванова судили, когда ему только-только стукнуло двадцать четыре года. Он запомнился Гурову не мужчиной, а пацаном, который слишком поздно опомнился и держал ответ перед законом, мало что соображая. Задержание, арест, прописка в СИЗО, допросы, очные ставки. Все это помаленьку уничтожало зачатки мужественности и какой-то взрослости, едва появившиеся на тот момент в его мозгу. Судебный процесс и вынесение приговора добились его окончательно.

Артему дали четыре года. Их судили всех и сразу. Он отделался легче остальных. Немец и Кудесник получили по шесть лет колонии строгого режима, а Байрон как генеральный директор всего предприятия схлопотал двенадцать.

Так уж вышло, что Незванов в тюрьме оказался никому не нужен. Уже потом, на свободе, он понял, как ему повезло. Такое, наверное, случается очень редко. Просто для всех ты пустое место. Никто не пытался опустить его, не задевал, не провоцировал на конфликты, не подставлял, но и сблизиться с ним не пытался. До него никому не было дела. Умер бы Артем, и никто не заметил бы этого.

Осознание данного факта, как ни странно, пугало его сильнее всего. Он жил, постоянно ожидая начала чего-то страшного, а оно все не происходило.

С Ириной Артем познакомился сразу после того, как вернулся из колонии. Она работала в маленьком продуктовом магазинчике, расположенном на первом этаже его дома. Однажды эта женщина ему улыбнулась, а он испугался такого внимания и удрал.

Когда Ирина не вышла на работу, Артем встревожился. Он ходил за хлебом каждый день. Дома у него скопились горы батонов, но Незванов покупал их до тех пор, пока снова не увидел ее за прилавком.

«У вас что-то случилось?» – спросил он ее напрямую.

«Ребенок болел, – ответила она. – Мы с ним живем одни, вот и пришлось брать за свой счет».

О себе Артем рассказал в первый же вечер, слил все, ничего не упустил. Никого при этом не обвинял, хоть и понимал, что сам вряд ли додумался бы пойти на грабеж. Предупредил, что завязал.

Он был искренен. Наверное, именно поэтому Ирина не испугалась и не ушла.

«Мой дальний родственник тоже был осужден, – сказала она. – Подрался с соседом, а тот возьми и умри на другой день».

Больше они не поднимали болезную тему. Ирина с сыном переехали к Незванову со всеми своими проблемами, кастрюлями и целым ворохом игрушек. В доме впервые после смерти бабушки снова запахло вкусной куриной лапшой и стиральным порошком.

Сын Ирины и Артем привыкали друг к другу долго. У каждого из них были свои понятия о жизни. Месяца три, наверное, они испытывали неловкость. Но однажды все закончилось. В какой-то момент пятилетний мальчишка, сидящий рядом с Артемом на диване и тихо наблю-

дающий за дикой природой на экране телевизора, вдруг прислонился к его плечу и незаметно уснул. Артем отнес его в кроватку и пошел курить на балкон. Там-то и застала его Ирина, всего в слезах и соплях.

Глава 5

Тот человек, которого они ждали, появился словно из ниоткуда. Он издалека всматривался в лицо Гурова, подошел, сел поближе к Незванову, растопырил локти, лег грудью на стол и уставился на сыщика.

«Узнал, – понял Гуров. – Ну, давай, удиви меня».

Немец и десять лет назад был крупным, но сейчас раскабанел еще больше. Не в плане того, что набрал лишний вес. Он оброс мышечной массой и внешне мало отличался от амбала, впустившего Незванова и Гурова в клуб. Разве что шея была на месте. Все остальные видимые части тела дышали мощью.

– Ты закончил? – спросил Незванов у Немца.

– Да, – не сводя взгляда с сыщика, ответил тот, но не сдвинулся с места и не поменял позу.

«Не сверли меня насквозь, больной ты человек, – мысленно посоветовал ему Гуров. – Давай сначала поговорим хотя бы».

Он действительно не знал, чего ожидать от Немца, после того как они покинут клуб. Тот был трезв и не выглядел усталым, как это часто бывает после долгого трудового дня. Он представлял собой закрытую книгу. Полковнику предстояло постараться вывести его на диалог и получить именно ту информацию, которая была ему нужна. Как там его назвал Артем? Психом? Как и Кудесника, кажется.

Чтобы поставить точку в этой бессмысленной борьбе, начало которой положил не он, Гуров поднялся, обошел стул и аккуратно задвинул его под столик и заявил:

– Если тут ни у кого дел не осталось, то прошу следовать за мной.

После подвала с его мягким искусственным сиянием уличный свет показался сыщику слишком ярким. Гуров прищурился и обернулся. Незванов всегда был перед его глазами, но Немец находился за спиной. Полковнику не хотелось решать внезапно возникшие проблемы.

– Спасибо, Серега! – послышался голос Немца.

– Бывай, – попрощался с ним здоровенный привратник.

Немец направился к соседнему подъезду. Он шел напрямик к старушкам, все так же сидящим на лавочке. В его руках Гуров заметил обычный пластиковый пакет, но мог поклясться, что когда они сидели за столиком, руки Немца были пусты. Охранник, что ли, что-то передал? И куда Немец теперь направляется?

Тут-то Немец взял да удивил сыщика, как тот и просил чуть раньше.

Он подошел к старушкам, протянул им пакет и сказал:

– Вот. Все, что мог.

Одна из этих бабушек положила пакет на лавочку и, не поднимаясь, взяла Немца за руку.

– Дай бог тебе здоровья, Семушка, – произнесла она.

– Да ладно вам. Я потом еще принесу.

– Дай бог, – прошелестела вторая старушка, абсолютная копия первой.

Немец высвободил руку.

Гуров наблюдал за этой милейшей сценой, покорно ждал момента, когда бывший грабитель закончит свои волонтерские дела. Но Немец снова удивил его. Он подошел к подъездной двери, набрал код, открыл дверь и вопросительно посмотрел на Незванова.

– Пошли! – скомандовал тот.

Гурову ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Ситуация была не из приятных. Одно дело болтать по душам в общественном месте и совсем другое – вести диалог там, где тебя никто не сможет увидеть. Гуров не боялся мести, при этом не был глупцом, не надеялся на то, что ему сейчас поднесут хлеб и соль.

Но другого выхода у него не было. Отказ от приглашения мог привести к тому, что Немец вообще уйдет в отказ.

Вслед за Незвановым Гуров поднялся по ступенькам и зашел в подъезд.

Квартира, в которой обосновался Немец, отличалась холодными оттенками, острыми углами и минимумом предметов. Этаким скандинавский минимализм в берлоге маньяка-убийцы. Ни одного мягкого покрытия, везде дерево, хром или пластик. Весьма удобно смывать кровь. Очень трудно будет обнаружить отпечатки пальцев.

Зайдя в квартиру, Немец разулся и аккуратно поставил кроссовки пятками вплотную к стене. Незванов сделал то же самое. Гуров не стал выделяться и сбросил ботинки.

– Проходите на кухню, – сказал гостям Немец.

Незванов шагнул туда первым и тут же занял одну из двух табуреток.

– Присаживайся и ты, хозяин, – сказал Лев Иванович, указав на вторую. – Все-таки с работы. А я постою.

– Насиделся я за день, – услышал он и пожал плечами.

Немец стянул со стола кувшин с фильтром, наполнил водой электрический чайник, открыл холодильник, достал из него бутылку виски, запрокинул голову и принялся пить.

Незванов занервничал, сжал кулак и накрыл его пальцами другой руки, потом поменял хватку несколько раз подряд. Он словно разминался перед рукопашным боем.

Гуров покосился на Немца. Тот сделал короткую передышку и снова присосался к бутылке.

– Хватит уже! – заявил полковник. – Я и без этого все о тебе знаю.

Немец убрал бутылку в холодильник. Чайник шумел все громче.

– Про Кудесника ты уже слышал? – спросил Гуров.

Хозяин квартиры вытер губы и прислонился спиной к холодильнику.

– Слышал, – напряженным голосом ответил он.

– Что думаешь по данному поводу?

– Это мое личное дело, – огрызнулся Немец. – Для начала скажи, Лев Иванович, какого черта ты снова появился в моей жизни?

Гуров взглянул на Незванова и ответил:

– С него все и началось.

Немец тоже воззрился на Артема.

– Пошел ты!.. – бросил ему тот. – Я же тебе все объяснил.

– Про свое глубочайшее почтение к Кудеснику? – Немец, начинающий пьянеть, расплылся в улыбке. – Это да!

Лицо Незванова пошло красными пятнами.

«Вот те на, – изумился Гуров. – Да неужели он на такое способен? Ой, не верю. А вот Немец раскрылся, за что ему огромное спасибо и поклон до земли. Не пришлось мне гадать, что это за человек. Гнилой он. Верно Артем подметил, психически неуравновешенный».

Гуров поймал растерянный взгляд Незванова. Мол, если этот тип разойдется, то разговора не получится. Времени на трезвое общение оставалось все меньше, потому что количество вылаканного виски было крайне велико даже для такого великана, как Немец.

– Есть подозрение, что Кудесника убила женщина, – взял быка за рога сыщик. – О том, что он собирался с ней встретиться, заявили уже два свидетеля.

– Да что ты? – притворно удивился Немец. – Надо же, какая новость.

– Ты с ним общался после колонии?

– Да я и во время отсидки с ним не общался, – ответил хозяин квартиры, посмотрел на Артема и продолжил: – Если бы не этот придурок, то я в жизни никому из них не сказал бы ни слова. Разве что Байрону. Да и то не факт.

– А что не так с твоими друзьями? – поинтересовался Гуров.

Он прекрасно знал то, о чем говорил Немец. Очень часто, получив срок, человек начинает смотреть на прошлое с другой стороны, осознает, что им в какой-то степени кто-то манипулировал. Ответственность при этом с него не снимается, время назад не отмотаешь, душу излить некому. Остается только мотать срок.

Вроде бы все по справедливости. Но в голове у человека, лишённого свободы, уже засела тяжелая уверенность в том, что все могло сложиться по-другому. Иначе. Не так. Выйдя из мест заключения, многие не ищут встреч с теми людьми, вместе с которыми они когда-то нарушали закон.

Немец был из числа тех, кто избегал контактов с бывшими подельниками. Однако от Незванова прятаться он не стал и согласился встретиться с Гуровым. Этот субъект понимал, что лучше так, чем по-другому. Лучше ответить, чем сбежать.

Об убийстве Кудесника Незванов сообщил ему ночью. Немец был тогда на работе и не думал о том, что ему снова придется вспомнить то тяжкое время. Еще он боялся того же, что и Артем, то есть ложных обвинений, поскольку был уголовником, здоровым, крепким, со стальными кулаками.

В спорт он ударился еще в ранней юности, и это очень сильно помогло ему в первые недели нахождения в неволе. Нашлись люди, которые на Немца положили глаз сразу, как только он появился в колонии, но не как на объект вожделения. Он, скорее, был новой игрушкой, которую многие хотели испытать на прочность, потому что имели дефицит адреналина в крови и вообще скучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.